

Я творю, а значит, я живу

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Пермь
«Здравствуй»
2012

ББК 84.97

Я-87

Удивительное рядом

Чего здесь больше – в этом сборнике? Открытий? Удивления? Настоящей, звенящей, как струна, поэзии, от которой ответно зазвучишь ты сам?

А может, преодоления всего наносного, которое порой неумолимо диктует свои условия жизни? Преодоления жесткого, резкого, а в результате – побеждающего?

Скорее всего, этот сборник – удивительной цельности сплав, который крепче алмаза, дороже любых драгоценностей. Читатель вправе задуматься над таким пафосным выводом. Но ведь это действительно так.

Авторы стихов, очерков, рассказов, собранных на страницах этой скромной книги, – все они в разное время публиковались на страницах газеты «Здравствуй!», все они – инвалиды, порой весьма «тяжелые». На объявление о конкурсе откликнулись многие читатели издания, учредителем которого является Пермская краевая общественная организация Всероссийского общества инвалидов, а финансово обеспечила появление этой книги как победителя конкурса «Город – это мы» Пермская городская администрация.

И в самом деле, авторы – истинно творческие люди, обладающие божьей искрой видения и умением зажечь этой искрой слово, чтобы оно, в свою очередь, зажгло читателя, подарило ему возможность по-иному взглянуть на серо-будничную, смазанную «замыленным» взглядом действительность. Острота, свежесть, мудрость и глубина мысли, подчас легкость подачи или самоирония – сколько же оттенков у строчек наших авторов! Но ведь все эти слова, воспринятые чутким сердцем и светлым взглядом, если перефразировать великого поэта, рождены из «пламя и боли». Тем самым они являются непреложным доказательством равенства таланта вопреки инвалидности и присоединяемым сочетаниям вроде «ограниченных возможностей». Безграничные способности перечеркивают диагноз.

О каждом из авторов можно было бы многое рассказать. Скупые строки, предваряющие их творения, дадут самые общие представления. Потому что задача составителя заключалась не в создании цикла очерков о сильных духом, а в передаче самобытного и незаурядного таланта авторов. Фрагменты их творчества, помимо того, что познакомят с миром их открытий в окружающей действительности, станут, пусть подсознательно, некой внутренней опорой для многих из нас, читателей. Вполне убедительной, потому что эту опору нам передают удивительные люди.

Галина Дубникова

Победа над самим собой

Каждый человек рождается творцом, но не каждый становится им. Кому-то не хватает веры в себя, а кому-то – здоровья. Хотя многие доказывают обратное, поскольку вдохновение, творческая работа, ежедневное созидание дают человеку все – и веру, и здоровье, и будущее. Ученые отмечают странный феномен – продолжительность жизни в России увеличивается с уровнем образования, то есть с интеллектуальным, творческим ростом человека.

Это доказывают и авторы литературного альманаха, для которых творчество стало стержнем, что держит их в непростой жизненной ситуации, связанной с ограниченными физическими возможностями. Книга составлена из произведений инвалидов, принявших участие в литературном конкурсе «Я творю, а значит, я живу», который проводился редакционно-издательским центром «Здравствуй» при поддержке администрации города Перми в рамках социально значимых проектов «Город – это мы».

Жюри рассмотрело сотни поэтических и прозаических текстов, чтобы определить победителей, и сделать это было непросто. Первое место в номинации «поэзия» досталось Светлане Жигиль, второе – Роману Дрону, третье – Василию Семеновых. В номинации «проза» победила Ольга Сухова, Василий Ермашов занял второе место, Мария Паршакова – третье. И в номинации «дебют» – Юрий Колесников, Софья Горбунова и Анна Зубарева соответственно. При этом надо помнить, что все эти победы – условные, в рамках нашего конкурса. Ведь победа в конкурсе не означает победу в литературе, а самая главная победа – это победа над самим собой. Поэтому мы решили предоставить место в альманахе и тем, кто не стал номинантом, но может стать им в ближайшем будущем. Кроме того, публикуем произведения двух авторов, которые, к великой печали, уже ушли из жизни, но оставили в мире свой след.

Мы поздравляем победителей конкурса с успехом и выходом книги! Мы уверены, у тех из вас, у кого собственных книг ещё нет, они обязательно будут.

Юрий Асланьян

Светлана Жигиль
Роман Дронин
Василий Семеновых

Поэзия

Светлана Жигиль

Светлана Алексеевна Жигиль. Родилась в 1960 году. В девятом классе впервые ощутила себя человеком, пишущим стихи. В 1977 году с отличием окончила среднюю школу №32. В этом же году поступила на романо-германское отделение филологического факультета Пермского государственного университета.

Общение с преподавателями и студентами, знакомство с вершинами мировой поэзии вывели её творчество на новый уровень. Окончила учебу по специальности «переводчик с английского».

Она печаталась в университетской газете, в газетах «Молодая гвардия» и «Здравствуй!», в сборнике «Свет и тень», где было собрано творчество инвалидов-опорников, и в альманахе «Литературная Пермь». Положительную оценку творчества Светланы Жигиль дал Алексей Решетов.

Светлана Жигиль — инвалид, ДЦП. Свои ограниченные физические возможности она с успехом компенсирует в сфере поэтического творчества. Её стихи отличаются экспериментом, поиском собственного языка, метафоричностью. Она разбивает привычные поэтические формы, чтобы выйти за существующие рамки стереотипов и создать нечто новое.

А сад опять восстал, счастливый, разъярённый.
Под обмороком гроз колдует вдалеке.
Черёмуховый куст, как будто бы внесённый
Букет у ног твоих, колдует вдалеке.
Есть терпкая пора весеннего рассвета
Как капля горечи, с которой не прервать
Сонату радости. В предощущенье лета
Бессонницы не устаёшь считать.
Одной тебе подаренное счастье....
Чего боишься? Припади, измерь
Его границы. Дивное участие
Печали вечной будущим проверь!

НАИТИЕ

Немой тоски виолончельный звон,
Дождь колет землю копьями разлуки,
Скорбит о листьях обнажённый клён,
И сам он искажён последней мукой.

Стихия осени! Как памяти верна,
Как трепетна она и недоступна.
Под летом подвести черту нетрудно,
Но кажется загробной тишина.

Решить, что лучше: быть или не быть.
Вопрос извечен, а ответы ложны.
Для бреда столько поводов ничтожных,
А я хочу весь мир исколесить.

Вновь в забытии узнать и не узнать
Невидимой руки прикосновение.
Заплакать над листом и на мгновение
Самосожжение истины понять.

МИМОЛЕТНОСТИ

Ускользая, льются очертанья
Сумерек. Как тонки силуэты
Незнакомцев, обернувшихся кустами.
Снегопад же убаюкал землю
Ласкою, что в теплоту дремоты
Нежно входит зыбкою тропею.

МЕТЕЛЬНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Эта бездна зимы в фонарях, околдованных снегом.
Гаснет отблеск метели. Прикорнула, устав, тишина.
Очертанья плывут, ни тревог, ни испуг не изведав,
В снегопаде мелодия давнего хора слышна.

Подойдёшь к зеркалам – и таинственный взгляд распахнётся.
И чужой силуэт, словно сказочно, вдруг оживет.
Отраженье свечи, спохватившись, печально очнётся.
Ты по-новому видишь себя – что-то новое в жизни грядет.

НОВОГОДНИЙ РОМАНС

Зажигают свечу. Невесомый, таинственный трепет
Разбросает по ветвям недомолвок и тайн кутерьму.
Но сегодня слышнее неверная поступь столетий,
Хоть упрёки и наши порывы ему ни к чему.

За окном – снегопад, всё притихло. Как будто бы в детство
Мы вернулись, и вновь – у порога случайных чудес.
И окажется вдруг, если в годы помягче взглядеться,
Что мучительный опыт внезапно исчез.

Те же вальсы летят, те же речи кружат, те же маски.
Только Золушка больше не станет искать своего короля.
Поутру, не очнувшись от кем-то рассказанной сказки,
В колыбели из призрачных хлопьев задремлет земля.

ЭПИТАФИЯ

В узоре бабочки останусь,
И след в потерянной земле
Оставит ветреную малость –
Там шорох времени живеи.

Так капелька дождя повиснет
Случайно по ветру – и вдруг,
Как лёгкий, утренний испуг,
Останется в десятках жизней.

И неизвестно, что желанней
Под ликом ласковым Творца:
Черты великого лица
Или напрасное дыханье.

Роман Дронин

Роман Николаевич Дронин. Родился в 1965 году. Отец – выпускник Свердловского института народного хозяйства, мать – педагог.

После окончания Пермского электромеханического техникума начал работать экономистом на Пермском электротехническом заводе. В газете «Заводские огни» были опубликованы первые стихи Романа Николаевича.

Его творчество отличает тяготение к русской традиции – народной и литературной, а также стремление внести свою долю в её развитие.

Женат, имеет двух сыновей. Любит плавание, речные просторы и лесные ягоды. Читает Пушкина, Ершова, Языкова, Высоцкого.

Говорит, что счастье – это состояние души.

Направь на путь истины –
Горьку думу думати.
Душа будет скатертью,
А сердце – памятью.

Земле жить посевами,
А людям – судьбами.
Судьба от семени
Вовек не спрячется.

Там, где колокол,
Там народ в смирении.
Каждый ищет истину,
Каждый знает проповедь.

Встречай птицу семенем,
А старость – опытом.
О том, что думается,
Не много молвится.

Помню, как плыл
Одиноким рассвет,
Лики деревьев
Ползли из тумана,
Ветер смотрелся
В речушки паркет,
Птицей и тучей
Себя узнавая.

Было прохладно.
Густая роса
Щедра покрыла
Палитрой искрящей,
Вот уж лесные
Слышны голоса
Осени прошлой
И настоящей.

Вздыблено время,
Крепчает, штормит,
Маятник рвется
В небо за птицей.
Выпало счастье
Мне быть за двоих —
Утра и осени
Малой частицей.

Запорошенная даль встречает тихо,
Птица пронеслась над чистым полем.
Это часто призрачно и дико
Люди в жизни познаются горем.

Заседлай коня, проверь подковы,
На чужое счастье не завидуй.
Там, где зависть, часто участковым
Разрешать приходится обиды.

Мотылек летит поближе к свету,
Так и человек идет за счастьем.
Кто-то ждет поддержки и совета,
Кто-то просто будничное «Здравствуй»!

Меньше пей, читай побольше книги,
В них – луга, поля, моря и травы.
Запорошенная даль простит обиды,
Птица возвестит, где были правы.

КАМА

По наклонным морщинистым плитам
Я бреду возле Камской воды.
Мох о прошлом гутарит сердито,
Ветер гонит волну борозды.

Пой, река, про веселые годы,
Как велик этот русский язык.
Пой, река, ты не вышла из моды,
На тебя не повесят ярлык.

Здесь со мной и конец, и начало,
Здесь снимаю обиды и стресс.
Порт, родные краны и причалы,
Монолитная Камская ГЭС.

Мох, луна и души заповедник —
Заводной комариный мотив.
Чайка белая — вечный наследник —
Улетает, о прошлом простив.

Божьей помощью объятый,
Путь влечется мой земной.
Не спешу. Десяток пятый
Спешно встретился со мной.

Время поменяло ноты,
Песен много — смысла нет.
Нынче правят бал охота,
Деньги и входной билет.

Больше вдоль и вокруг дома,
Меньше водки и приправ.
Вразуми, прошу, икона,
В чем я был и не был прав.

Вот и лето прошло незаметное,
И к земле наклонились хлеба.
Это жизнь моя беспросветная:
Тропка в поле, церквушка-изба.

Спят березы по рельсовой насыпи,
Тормошить их не буду, покой.
Свежим медом повеяло с пасеки,
За жужжанием спрятался рой.

Все лицо мое скрыто слезинками,
Боль в душе и на сердце нарыв.
Что же, жизнь, ты богата тропинками,
Что нередко уводят в обрыв.

Что же, жизнь, ты не балуешь встречами,
Временишь за добро похвалить,
Юбилеи давно все отмечены,
Нам осталось теперь хоронить.

Подскажи мне, кольцо обручальное,
По любви я живу или так.
Отгулять не успели свидания
За гурьбой закадычных гуляк.

И погоня за временем тщетная,
И почти не осталось страниц.
Вот и лето прошло незаметное,
Вместе с ним незаметная жизнь.

Поставь свою мельницу,
Ветру-буре встречную,
Жить будешь сыто –
И сердце с правдою.

Мука зерном рождена,
А хлеб – терпением.
По доброй пахоте
И всходы добрые.

Добром-умением
Заслужишь почести,
Трудом и опытом
Получишь знания.

Душа и сердце
Не хлебом сытые.
Останется мельница
Потомкам в радость.

Василий Семёновых

Василий Аркадьевич Семеновых. Родился в 1950 году в лесной удмуртской деревушке Саванинцы.

После окончания школы в Оренбургской области работал корреспондентом районной газеты, позднее – областной молодежной.

У него вообще богатая биография. Учился на физико-математическом факультете Орского пединститута и в Ленинградской военно-медицинской академии, но не окончил. Трудился слесарем в семеноводческом хозяйстве и егерем в Центральном-лесном заповеднике в Калининской области. Инвалид 2 группы.

Стихи Василия Семеновых публиковались в самых различных изданиях, начиная со столичных. Это журналы «Студенческий меридиан» и «Сельская жизнь», газеты «Вестник ЗОЖ», «Пенсионерская правда» и «Здравствуй!», а также в коллективных сборниках, издававшихся в Москве и Ростове.

ДРУГУ

То по жизни дождь,
То пурга навзрыд.
«Ах, зачем живешь?» –
Мне судьба хрипит.
И когда молчу,
Душу стиснув вдруг,
Не иду к врачу,
А к тебе, мой друг.
Как больному – мед,
Как слепому – свет,
В нужный час спасет
Добрый твой совет.

ГДЕ ТЕБЯ ЕЩЕ ИСКАТЬ?

Моя вера, как горошина,
Укатилась, не найти...
Моя милая, хорошая,
Я устал к тебе идти.

Заблудился я во времени
И в дорогах-миражах.
Поздно вышел я, наверное,
Укачало в виражах.

Да еще пути окольные
Ухитрялись заманить —
Мол, судьбы напевы сольные
На двоих не разделить.

Слышу голос твой растерянный
(Или это — голос мой?) —
Из утерянного времени
Повернуть зовет домой.

Не на свет я шел — на отблески,
Не туда смотрел душой
И тебя в напрасных поисках,
Когда надо, — не нашел.

...Как косою, вера скошена,
Я устал ее ласкать.
Моя милая, хорошая,
Как тебя еще искать?

Молодость, куда она девалась? –
В звёздной пыли затерялся след...
Не гадаю, сколько жить осталось,
У кукушки не прошу ответ.

Надо бы еще, конечно, много...
Время – неподкупный ревизор,
Часто на непройденной дороге
Вдруг выносит строгий приговор.

Жаль, чего хотел я, – не имею,
Многое и многих не сберег...
Но хотя и жизнь не щедро грела,
Я тепло другим дарил, как мог.

Отправляю к черту все болячки,
Компромисса не хочу с судьбой.
Дни летят и катятся, как мячик,
Я в душе, как раньше, молодой.

В КРАЮ, ГДЕ С ПРИРОДОЮ ВМЕСТЕ

Меня город к себе не манит
Шумом, спешкой и теснотой.
У меня прописка иная
С удивительной красотой:
Здесь медовый и чистый воздух,
Переключка и пенье птиц,
Здесь рябины рубины гроздь
И багряный разлив зарниц.
Круглый год зеленеют ели,
Ивы ветками льнут к воде...
Не увидишь таких в музее,
И не купишь таких нигде.
Родничок тут со мною рядом
День и ночь без конца журчит...
И петух, будто так и надо,
По утрам мне «подъем» кричит.
Ну а в поле пшеница зреет,
Даль цветами полным полна,
Приласкает и обогреет
Всех уральская сторона.
Я не рвусь включать «телеящик»,
Чтоб увидеть эстрадных див,
Не фальшивый, а настоящий
Мир вокруг меня так красив,
Что его воспевать я стану
И гордиться, что здесь мой дом...
Меня город к себе не манит,
Нет единства с природой в нем.

О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Дождь хлестал сумасшедший,
мы с тобой целовались,
Словно гимну любви,
грохотал где-то гром.
Где-то в прошлом давно
эта сказка осталась
И иссохшие губы
над потухшим костром.
И усталая осень
душу мучает остро,
Листьев рыжее пламя
остужает совсем...
Только в памяти будет
жить и радовать остров,
Где друг друга любили
и купались в росе.
Наше детство уплыло с облаками
в рассветах
Под горячие клятвы
среди васильков.
Но той первой любовью
я когда-то согретый,
Не пугаюсь замерзнуть
среди людей-ледников.

ПРЕСЕН МИР БЕЗ ПОЭЗИИ

Ах, как речь наша стала сурова!
Где восторженность словом родным?
Нет и трепета прежнего в слове,
Слово стало похоже на дым.
По-есенински сердце раскрыто
Людам, птицам, деревьям, лугам.
Не из сказки с разбитым корытом
Я пришёл в этот мир, словно в храм.
В разнотравье опять окунаюсь,
Ароматом цветов напоён.
Я по жизни иду, улыбаясь,
Неподвластный усмешкам времен.
Где же ваши улыбки, сельчане,
Почему сердце панцирь покрыл?
Закипает душа, словно чайник.
Есть разлив нерастраченных сил.
Соловьи возвращаются с Фетом,
Воскресает земли красота.
Просыпайтесь от спячки, поэты,
Ведь земля без поэтов пуста.
Да, нелёгкое время тревожит,
Но нельзя же в забытии сидеть,
Пусть Поэзия силы умножит
И душою не даст умереть!

НА ПОГОСТЕ ЗАБРОШЕННОМ

На погосте заброшенном –
Ни могил, ни крестов...
Только травы не скошены
С островками кустов.

И малиновым пламенем
Полыхает кипрей,
Обжигая сознание,
Что мы к тем, кто жил ранее,
Не приходим теперь.

Не попросят усопшие
Хлеба или вина.
Над полями заросшими
Тишина – как вина.

Как с распятою совестью,
Я стою здесь один.
Отдаю мертвым почести,
Низко кланяюсь им.

Ищу слов самых искренних...
А нужны ли слова? –
Была б лучшею истиной
О них память жива!..

На погосте заброшенном
Пустота живет, жжет.
Время здесь остановлено...
А кого оно ждет?
А чего оно ждет?

ПРЕЛЮДИЯ К ЛЮБВИ

Рядом-рядышком, как две клавиши...
Я с тобою иду тропой.
Лес качается, не печалится,
И ромашек поет прибой.

Утро светится. В чудо верится.
Первый скомканный поцелуй.
Солнце тычется земляничное
Зайцем-зайчиком по лицу.

Рядом-рядышком, как два ядрышка,
Как с сестричкою старший брат.
Рука за руку. Цветов зарево.
И смешинки в глазах рябят.

Много нежности, много свежести
Даже в самых простых словах.
— Разреши тебя взять мне на руки...
Ты уже на моих руках.

Рядом-рядышком, моя ладушка,
Все у нас впереди с тобой.
Лес качается, не кончается,
И ромашек живых прибой.

Ольга Сухова
Василий Ермашов
Мария Паршакова

Проза

Ольга Сухова

Ольга Ивановна Сухова. Родилась на Алтае в 1936 году. Отец, офицер, погиб на фронте в 1942 году. С сестрой и братом попала под оккупацию в Мелитополе. Скиталась, была на краю гибели. С матерью удалось воссоединиться только в 1943 году. Вернулись на Алтай, начала учиться в школе, но в 1949 году мать репрессировали. Брата забрали в военное училище, а сестры попали в детдом, где пробыли четыре года.

Ольга училась в Свердловском культурно-просветительском училище, на дирижерско-хоровом отделении, была распределена учителем пения. Работала, заочно училась на юридическом факультете Пермского госуниверситета. Трудилась в прокуратуре, юристом в различных организациях.

Творчеством начала заниматься ещё в детском доме и потом не оставляла это занятие всю жизнь. Писала стихи и прозу – очерки и рассказы. В 2011 году у Ольги Ивановны Суховой вышла книга «Страницы века океанного...», в которую вошли стихи и проза.

Творчество Ольги Ивановны Суховой отличается жестким реализмом, человеческим оптимизмом, наблюдательностью, точными деталями и образами.

У ВОЙНЫ НЕ ДЕТСКОЕ ЛИЦО

Мне было около четырех лет, когда моего отца, кадрового офицера, откомандировали в какую-то действующую армию. В ту пору слово «война» уже присутствовало в нашем доме, хотя еще не было внезапного нападения Германии.

Отец собирался спешно и как-то очень уж тихо. Молчала и мама, она даже не плакала, просто слезы сами катились и катились по ее лицу одна за другой.

Мне было тоскливо и неуютно в такой обстановке, и я запросилась на улицу.

— Иди, конечно, погуляй, — согласилась мама. — Но со двора — ни шагу. Скоро придет бабушка со старшими (нас было трое: брат, сестра и я), пойдем провожать папу на вокзал.

Во дворе тоже оказалось пусто и скучно, играть было не с кем, и я сама не заметила, как вышла за ворота и забрела на какую-то поляну, усеянную крупными желтыми одуванчиками.

Неожиданно пришла в голову мысль, что отца нужно проводить с цветами.

Я начала собирать одуванчики, складывая их по одному в ладошку.

До меня вдруг дошло, что вот уедет папа, и некому будет подбросить меня до потолка, покатасть на плечах, сводить на озеро покормить уток. Стало грустно, обидно и горько. И я заплакала.

— Ты чего плачешь? — раздался возле меня чей-то голос.

Я подняла голову: сверху вниз на меня смотрел подросток лет четырнадцати.

— У меня сегодня папа уезжает на войну, — ответила я.

— Так иди домой! Что ты тут гуляешь?

— Я не гуляю, я цветочки собираю папу провожать, — ответила я.

— Ну, какие же это цветочки, — сочувственно сказал подросток, — пойдем со мной, моя мама даст тебе красивых, настоящих.

Мы прошли квартала три и оказались в небольшом дворе, который и впрямь утопал в цветах.

— Мама! — позвал подросток.

На пороге показалась заплаканная женщина.

— Где тебя носит? — напустилась она на подростка. — Беги к штабу, а то и не простишься. Все уже ушли. Беги!

Паренек сорвался с места, крикнув матери на ходу:

— У нее тоже отец уезжает, дай ей цветов.

— Бери, девочка, что хочешь, бери, — сказала женщина и, снова заплакав, ушла в дом.

Прошло около часа, а я все стояла в оцепенении, чего-то не понимая: дома меня учили, что ничего чужого трогать нельзя, что брать можно только то, что дают, а тут говорят «бери» и ничего не дают... Я комкала в руках одуванчики, не зная, что теперь с ними делать.

— Ты еще здесь? — снова показалась на пороге женщина. — Ты чья? Где твой дом?

— Первомайская, 74, Леля Ванина, — заученно отработала я.

— Господи! — всплеснула руками женщина. — Никак майора Ванина дочь? Так ведь они же с моим вместе едут. Бежим, может, успеем!

Она схватила меня за запястье, повыше кулака, с пучком одуванчиков, и бегом потащила за собой. На ходу она выхватила из грядки несколько пионов, но, пробежав десять шагов, отшвырнула их в сторону, подхватила меня

на руки, прижала к себе, словно хотела прилепить к собственному телу, и опрометью бросилась в сторону вокзала.

Как добежали, как очутились на перроне, я не помню. В памяти осталось, что уже стемнело и вдалеке становились все меньше и меньше два огонька, вслед которым я отчаянно размахивала пучком пожухлых одуванчиков. Отца я больше не увидела...

В середине 60-х в кинотеатрах города демонстрировался документальный фильм «Обыкновенный фашизм».

В одном из кадров среди казненных людей промелькнуло лицо, чем-то мне очень знакомое. Посмотрев фильм, озадаченная, я вышла из кинотеатра, взяла билет на следующий сеанс и снова пошла в зал. Теперь я еще внимательней стала вглядываться в лица на экране. Сердце подсказывало, что это кто-то из близких, но я не могла вспомнить, кто, зная своих родственников, оставшихся за чертой войны, только по фотографиям. А на следующий день пришло письмо от мамы из Краснодарского края, где фильм прошел раньше. «Разболелась голова, три дня держалось давление на грани инсульта», — писала мама о впечатлении от фильма.

Это еще более утвердило меня в страшной догадке: значит, и мама кого-то узнала. Я несколько раз пересмотрела семейные фотографии и не сразу пришла к выводу, что это отец. На всех снимках отец выглядел щеголевато, подтянуто, молодо. Лишь на одном, присланном им с фронта за неделю до похоронки, лицо было суровым, с двумя складками между сдвинутых к переносице бровей и немым вопросом в глазах. Многое на этой фотографии сходилось с тем, что я увидела на экране. Директор кинотеатра предоставила мне возможность просмотреть кадры отдельно после всех сеансов (а заканчивались они в

23.15). В зале собралось несколько человек. Принесенная мною фотография пошла по рукам, всех я просила быть искренними, если сходство все-таки покажется сомнительным.

— Крикните «стоп!», когда увидите эти кадры, чтобы я остановил пленку, — сказал киномеханик.

Кровь застучала у меня в висках: теперь я смотрела на экран не просто как зритель. Теперь я присутствовала при казни своего родного отца. Я физически, всем существом почувствовала боль в кистях его рук, заломленных назад и скрученных проволокой, испытала тяжесть привязанного к ногам камня.

«Бедный, бедный мой папка, — колокольным звоном отзывалось у меня в голове, — как же ты не хотел умирать, как же трудно было этим извергам заставить тебя уйти из жизни...»

Слово «стоп!» я не крикнула, а едва произнесла одними губами, но его тут же на едином дыхании повторили сразу несколько человек. Сомнений ни у кого не было.

Как ни старалась я глотками протолкнуть застрявший в горле ком, как ни уговаривала себя держаться мужественно, но, заметив, как пляшут от волнения ножницы в руках киномеханика, выстригающего для меня кадры из пленки, не выдержала и разрыдалась. Несколько месяцев испытывала чувство, будто только что вернулась с похорон.

Я бомбардировала письмами Михаила Ромма, режиссера-постановщика фильма «Обыкновенный фашизм». Я искала его по всем киностудиям и почти уже потеряла надежду на ответ, как вдруг он позвонил:

— Ольга Ивановна, — взволнованно кричал он в трубку, — я нашел место захоронения вашего отца! Записывайте адрес: деревня Полунино, возле Ржева.

Позднее я узнала, что Михаилу Ромму пришлось просмотреть сотни километров киноплёнки, прежде чем он установил, откуда им были взяты эти кадры.

Из Полунино мне ответили сразу же. Писали школьники: «Ванин Иван Михайлович действительно внесен в списки погибших, захороненных в братской могиле, где покоятся три тысячи павших. За могилой ухаживают школьники. Поисковая группа Полунинской школы составляет „Летопись павших“ и просит прислать фотографию и воспоминания об отце».

Собирая для них бандероль, я решила сделать фотографии и с киноплёнки.

Я не знаю ни фамилии, ни имени этого фотографа, но старшее поколение соликамцев его, очевидно, помнит. Он работал в мастерской на Покрышкино, немолодой инвалид на протезе, с утонченным библейским профилем, вьющимися волосами, каким-то особенным пронизательным взглядом.

Узнав, что я собираюсь заказать снимки с киноплёнки, наотрез отказался: дело, мол, хлопотное, а результат не всегда успешный. Я стала упрашивать чуть ли не на коленях, и он сдался:

— Да что у вас за кадры такие особенные? Дайте взглянуть!

Он забрал у меня вырезку из киноплёнки и ушел в лабораторию. Когда вернулся, он был бледен, как полотно, на лбу проступила крупная испарина.

— Кто вам эти люди? — спросил он.

— С камнем в ногах — мой отец.

— Я так и понял, пройдемте со мной.

Мы прошли в конец узенького коридорчика и очутились в маленькой комнатушке, вероятно, служившей ему кабинетом.

Фотограф достал из стола початую бутылку водки, какую-то закуску, разлил водку в три стакана, один из которых накрыл кусочком хлеба.

— Пейте, — жестом пригласил он, — давайте помянем вашего отца и моих однополчан заодно.

Мы распили с ним «боевые сто грамм», и разговор снова вернулся к фотографиям.

— У вас есть дети? — неожиданно спросил фотограф.

— Две девочки с разницей в возрасте 10 лет.

— Приводите ко мне свою малышку, я очень люблю фотографировать маленьких. Наверное, у вас уже есть на снимках первые зубки ваших детей, первые платица и первые самостоятельные шаги. А дальше будут первоклашки, выпускные балы, свадьбы... Как же все это вы собираетесь разместить среди повешенных?

— Вы считаете, память о близких — это лишнее?

— Разумеется, нет, но память должна храниться в сердце, а не на бумаге. Как сказал поэт: «Мертвый, в гробе мирно спи — жизнью пользуйся, живущий!»

Он стал рассказывать, какие кадры войны запечатлела его память и чего он ни разу не позволил себе запечатлеть в фотографиях там, на дорогах войны.

— Я не буду делать вам этого снимка, — решительно завершил он. — По большому счету его не должен вам выполнить ни один фотограф. А если найдется такой, кто сделает, он, значит, тот же фашист, как те, что повесили вашего отца.

— Почему вы так считаете?

— Потому что это казнит вашу душу и отравит жизнь ваших близких медленно и мучительно. Не делайте этого снимка, я чисто по-человечески вас об этом прошу. Обещайте, что выполните мою просьбу. Не делайте.

Я дала ему слово и честно держу его до сих пор.

Когда младшая дочь подросла, появилась возможность съездить на могилу отца к 9 Мая. В дороге моя Танечка сокрушалась, что мы не везем цветов, которые в тот год особенно щедро расцвели во всем Соликамске.

— Не довезем, повянут, — убеждала я ее, — купим на месте.

— Но это же будут уже чужие цветы, — по-детски рассуждала Танечка.

Еще большее огорчение ее ждало в Полунино: оказывается, по традиции полунинцы в канун 9 Мая срезают все цветы, сколько у кого есть, и несут на могилы с восходом солнца. Так что купить цветов уже негде.

— Но ты не переживай, Танюша, — успокоила дочку директор школы Евдокия Федоровна Калошина, — цветы у тебя будут.

Когда во время митинга началось возложение венков, Евдокия Федоровна поставила мою Таню в первый ряд детей и дала ей нести в паре с каким-то мальчиком огромную корзину цветов. Дочка оглянулась на меня довольная, но как-то виновато: мол, прости, мама, что не могу с тобой поделиться и ты подойдешь к могиле отца с пустыми руками.

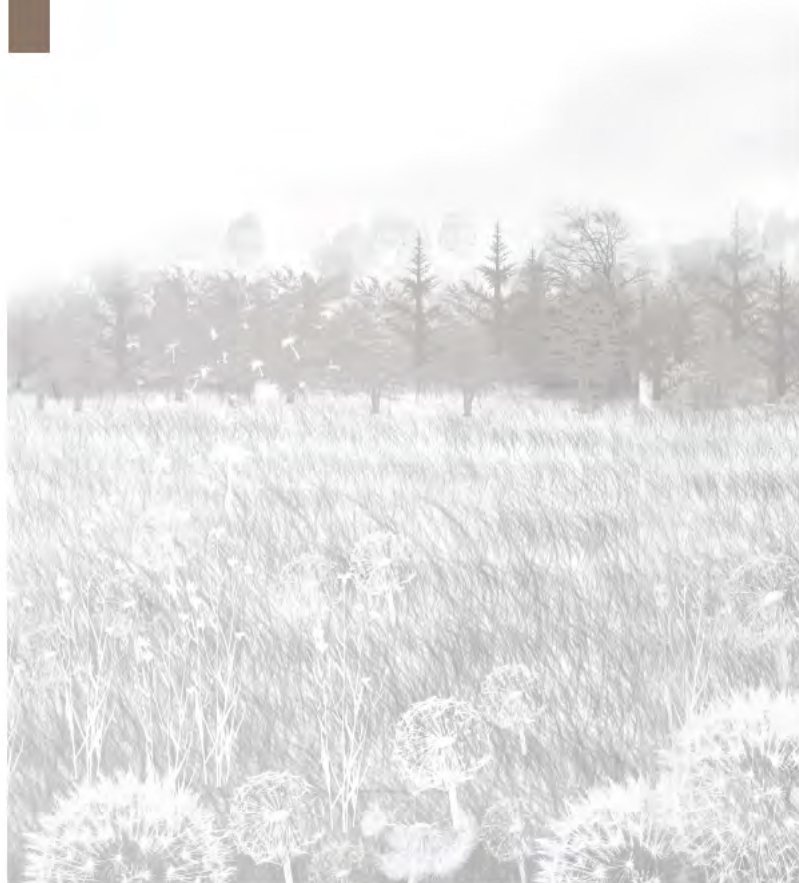
Потом были речи, слезы... Когда закончился митинг, меня окружили однополчане отца, жители — очевидцы казни, родственники, приехавшие на торжества. И вдруг я потеряла Таню. Я не на шутку испугалась: море людей, десятки автобусов, незнакомая деревня... Кинулись искать.

— Она возле памятника! — прибежал сообщить мальчик — тот, что шел с ней в паре.

Вдвоем с Евдокией Федоровной мы подошли к памятнику. То, что я увидела, перевернуло мне душу: по-взрослому причитая, моя Татьяна раскладывала на могиле одуванчики.

Вот и не верь после этого в потустороннюю связь между людьми.

Проходят годы, сменяются поколения, а мы все идем и идем дорогами войны, и нет им конца. Наступит ли долгожданный мир?

Василий Ермашов

Василий Егорович Ермашов. Родился в 1940 году, в Чернушинском районе, в крестьянской семье. Окончил 7 классов, бухгалтерские курсы. В 21 год приехал в Пермь, постоянно повышал свою квалификацию, пока не стал бухгалтером-экономистом. Работал на заводе «Моторостроитель» корреспондентом газеты предприятия.

Писать начал в 17 лет. Публиковался в газетах «Звезда», «Вечерняя Пермь», «Молодая гвардия». В последнее время сотрудничает с газетой «Здравствуй!». Его зарисовки и очерки хорошо знают читатели газеты.

Рассказы Василия Егоровича просты по изложению, но внимательны к деталям и неожиданностям человеческой жизни. Любовь к герою, как правило, человеку со сложной судьбой, отличает произведения автора.

У Василия Егоровича дружная семья – жена, Валентина Михайловна, дочь и шесть внуков.

ГОРБУН ПАШКА

Пролечившись без малого три месяца в костно-туберкулезном санатории, Пашка Куропатов, по прозвищу Башмачник, не единожды получавший предупреждения по поводу нарушений лечебного режима, казалось, каким-то чудесным образом всегда выходил сухим из воды. Объяснялось же все очень просто: врачи, стараясь заглушить обострение процесса в его позвонках, удерживали больного в стенах санатория как можно дольше. Но всему есть предел. После очередного питания лечащий врач на обходе напрямик направилась к Пашкиной койке.

— Хватит, Павел, нянчиться с тобой, если сам не хочешь долечиваться, собирайся домой. Это приказ главврача.

— У меня нет денег на дорогу, — заканючил больной, явно рассчитывая на апробированный прием: выписку отложат до получения перевода из дома, а тем временем, глядишь, все само собой образуется.

— Поступая, ты сдавал в бухгалтерию деньги на билет, — напомнила врач.

— Я же на побывку ездил.

К вечеру многочисленные Пашкины клиенты принесли остатки долгов за отремонтированные ранее часы, починку обуви. Этим профессиям Куропатов мало-мальски обучился, работая в своем городском комбинате бытового обслуживания. Худо-бедно деньжата у Башмачника водились, но малый рост и уродливый горб, а также весьма узкий кругозор не давали парню никаких перспектив. Не мог Пашка поменять и место работы, где всегда находились охотники сообразить «на троих», будучи привязанным проживанием в ведомственном шахтерском

общежитии. Сюда вселили его после детдома с условием: уволившись из комбината, теряешь и место в общежитии.

...«Разбогатеи», Пашка снова закуролесил, и наутро кастелянша тетя Капа с мрачным лицом, будто это ее выселяли из санатория, унесла из палаты постель Куропатова. Ночевал изгнанник в подсобке санаторского конного двора, а днем, укрываясь от взора медперсонала, подкармливаемый ходячими больными, неприкаянно слонялся по территории. Скоро, однако, конюх запретил ему появляться на конюшне – не вышло бы беды. Потому напросился он к деревенской почтальонке, которая за малую плату разрешала приезжим ночевщикам переспать на сеновале либо в сених. Павел взял у женщины конверт и написал в райсобес, чтобы срочно выслали его пенсию. Деньги за три месяца пришли через неделю. Хозяйка, вычтя долг за проживание, предложила оставшуюся сумму хранить у нее: пока не собрался уезжать, мол, целее будут.

– Не-а, – промычал Пашка, – пойду к прачке Вере, может, самогонки продаст.

Подворье знакомой, которую редко кто когда-либо видел трезвой, оказалось заперто, и Пашка двинулся к соседнему двору. За изгородью увидел бабку, спросил, не знает ли где соседка.

– Дак это, кажись, в город уехала к детям.

– Э-э, у тебя самогонки не найдется? Продай!

– Ты, сердешный, чей будешь, часом, не зэк беглый?

Выслушав несвязный ответ пришельца, Митиха, так звали бабку, хлопнула себя по бокам, запричитала:

– Ты гляди на него, лешак кой взялся. Мало тебя Бог-то наказал, коли еще эту заразу лакаешь. А самогон я не гоню.

– Тошно мне. Ну, прости, пойду я.

– Да погоди ты, сядь на крылечко. Поди исть охота? Я скоро повернусь.

Пашка послушался, сел, пошарил по карманам, закурил. Бабка вернулась минут через двадцать.

– На вот, – протянула жестяную, закопченную кружку, чашку с огурцами и вареной картошкой. – У Сони выпросила, санаторской няньки. А более-то не проси, тебе и это лишка.

Выпил Пашка, будто обмяк весь. Покатались по лицу горькие слезы. Митиха сидела рядом на приступочке, слушала Пашкино повествование, вздыхала.

– Оставь меня, баба Зоя, у себя хоть на денек. Я тебе заплачу, сколько скажешь.

– Ты посмотри на него, кормилец мне нашелся. От тебя какой прок? Одно расстройство, а я сама еле концы с концами свожу, – потом призадумалась: – Так и быть, оставайся на денек, только, слышь, сначала в баньке отмойся...

Куропатов и остался. Наносил в баню воды из колодца, растопил каменку. Жара знойного июльского дня не спадала до вечера. Парило. Удушливый раскаленный воздух угнетал и без того хилый Пашкин организм, а потому прислонить где бы то ни стало свою голову было для него просто спасением. Ближе к закату во двор к бабке зашла молодая, лет тридцати, женщина, дебелая, круглолицая, молчком встала, разглядывая Пашку.

– Тебе чаво, Дуся? – спросила вышедшая из избы Митиха.

– А я на него пришла посмотреть, – без тени смущения заговорила женщина. – Мужика ведь мне в дом надо, плохо одной-то, как не стало мамы.

– Да какой он мужик? Поглядела – и будет, ступай с Богом.

Дуся заплакала. Пашка насупился. Митиха шепнула ему на ухо: «Юродивая она, инвалидка. Изба-то у нее – ничего и скотину держит. Только соображает плохо».

– Ступай, ступай, девка, – опять повторила бабка, – человеку поспать надо.

Вдруг Пашка решительно встал: «А я с ней пойду!». Митиха привычно хлопнула себя по бокам: «Пресвятая мать Божья, знать, еще один с ума сошел».

Пришли к Дусе затемно. Поели. Хозяйка убрала со стола, тщательно помыла посуду, клеенку. Пока снимала с кровати покрывало, встряхивала, укладывала подушки, Павел разглядывал дом. Он и впрямь был ладным, с постройками, большим огородом. Павел вышел покурить, а когда вошел в избу, свет уже был потушен. Разделся и прилег с краешку.

– Ох, и табачищем несет, – услышал Дусин шепот, – как от настоящего мужика. Паш, если будем жить, мы накопим денег, поедem в город, и тебе обрежут там горб. Ты будешь нормальным мужиком, маленьким только, ну и пусть.

Пашка слушал и не слушал. Лишь бы она не выскользнула, не нарушила то, что так хорошо шло на лад. Он сделает для нее все, что не попросит. Для такой любимой, сладкой.

...Они лежали, дремали.

– Паш, – снова заговорила Дуся, – у Нинки, завклубом, я видела платье, все в золотых блесках, люрик называется, купишь мне такое?

– Бери деньги у меня в костюме, покупай.

– Я завтра съездию в город, ладно?

Когда Пашка проснулся, Дуси рядом не было. Он встал, прибрал кровать, вышел во двор, по-хозяйски обошел его.

Делать ничего не хотелось – прошедшая ночь поглотила все его существо, все еще не верилось, что такое счастье могло достаться ему – башмачнику, горбуну, презираемому уроду... Опять нещадно палило солнце, ни ветерка, ни облачка на небе. Выйдя за ворота, Павел тихонько побрел по тропинке к реке, к тальниковым зарослям. По пути встретил конюха Геру, спросил разрешения взять его лодку на вечер. Захотелось покатать по реке Дусю. Вот порадуются!

Владелец лодки не отказал, и Паша, не мешкая, решил опробовать ее тотчас на ходу. Погреб на середину Очера. От воды веяло живительной прохладой, бодрило тело. Пребывая в этом блаженном покое, не заметил налетевших вдруг порывов ветра. Где-то далеко гроыхнуло, раз, другой. На деревню шла черная туча. Он поспешил к своему берегу, выскочил из лодки, набросил на нее замок... Молния одновременно с раскатом грома полыхнула, кажется, совсем рядом...

Дуся вернулась с часовым автобусом, с остановки летела, как на крыльях, бережно укрывая желанный сверток от дождя. В доме было пусто. Она прошла по огороду, по соседям – Павла нигде не было. До боли сжало сердце: ушел, обманул, все они такие...

Дождь стихал. Семицветная радуга, опоясав небо, уходила одним концом за дальний лес. По огороду Зои Митихи бежали мальчишки. Что-то истошно кричали.

– Чаво базлаете на всю деревню? – прикрикнула на них бабка. Глянула на испуганные лица.

– Там... Там... Дуськиного жениха грозой убило...

ДОЧКИ-МАТЕРИ

Анна Захаровна не думала, что так скоро сляжет, хотя возраст уже приближался к 80. В поселке всем примелькалась за долгие годы жизни ее худенькая, согбенная от прожитых лет фигурка. То у магазина видели ее, то у колодца за водой или на почте с посылочками для кровиночек-дочерей, выпорхнувших из отчего дома. И вот лежит она недвижима под присмотром соседки, почти ровесницы Анны. Такая же немощная товарка понимала, что помощница из нее никудышная, и настойчиво испытывала у Анны Захаровны адреса дочерей. Но та молчала: не хотелось до срока беспокоить детей.

— Погоди, Лизавета, может, оклемаюсь ишо, да, Бог даст, потопчусь маленько.

Прошла неделя. Больной не полегчало, а стало еще хуже. Тогда и полетели тревожные телеграммы к дочерям.

Первой примчалась Алла. Хотя и жила она дальше всех. Самолеты и такси сделали свое дело, через сутки она шагала уже по поселку в дорогом кожаном пальто, изящных сапожках и с модной сумкой через плечо. Она стремительно вошла в избу, шумно заплакала. Зашагала взад-вперед по двум комнаткам, ужасаясь убогости родного дома. Потом вызвала фельдшерицу, долго советовалась насчет лекарств и лечения. А когда за той закрылась дверь, сказала:

— Мам, тебя надо везти в город, показать знающим врачам.

— Невелика барыня по городам шастать, и тут поправлюсь, не впервой.

В это время вошла приехавшая по телеграмме младшая дочь Лариса. Быстро сбросила плащ и припала к матери, размазывая по щекам импортные тени и помаду.

— Что же ты, мама? Не похоже на тебя, ведь ты у нас была молодцом.

– Видно, время пришло, – всхлипнула старушка.

– Да ты, мама, не падай духом. Вот Алла с Димой таких лекарств достанут, сразу встанешь. Правда, Алла?

– О чем речь. Я сегодня же позвоню Дмитрию.

На дворе стояла поздняя осень. Изба выстыла, и сестры растопили печь, мирно наблюдая за причудливой пляской языков живого пламени. Все навевало приятное удовлетворение и услужливо уводило в далекое детство. Сестры сварили чугунок картошки, из сеней принесли соленых огурцов, с удовольствием принялись за ужин.

– Где же Татьяна? – недовольно спросила Алла. – Ведь ближе всех живет. И нет ее. Обговорить все и ехать бы. Не могу я долго торчать здесь.

– Плохо Таня живет. Ой, плохо, – ответила Лариса.

– А я тебе скажу, сама виновата. Нарожала детей, говоришь, мужа упустила, и что это за работа – уборщица? Могла бы устроиться попрличнее.

– Инвалид же она. Забыла?

– Другие-то как-то устраивают свою жизнь...

Утром сестры еще нежились в постели, когда в дверь громко постучали. Лара, не одеваясь, пошлепала босыми ногами по щелистому полу и открыла дверь. На крылечке под холодной изморозью нагруженная какими-то сумками стояла продрогшая Татьяна. Сестры обнялись. Лариса чмокнула сестру в мокрую посиневшую щеку и вздрогнула от прикосновения к голым плечам холодных рук Татьяны.

– Что у вас тут? – спросила Таня.

– Да вот маму парализовало, – заплакала Лара.

После завтрака мать уснула. Лариса с Аллой пошли прогуляться по поселку, а Татьяна зарубила петуха, задумала варить любимое блюдо матери – лапшу.

Вернувшись, Алла и Лариса без умолку делились впечатлениями, а Татьяна все молчала да чем-то занималась: подтирала полы, мыла посуду, возилась с тестом для пирогов. Ближе к вечеру сестры приступили к главному разговору: как быть с матерью?

— Если честно, Алла, то у вас ей будет лучше всего, — высказалась Лариса. — Муж у тебя врач, есть деньги, лекарства.

— Мы с удовольствием, девочки, да ей же не будет у нас условий. Дима пишет диссертацию, дочке Яне надо музыкой заниматься, в консерваторию готовиться. А я не могу оставить престижную работу.

— Ну а я что возьму ее в свою однокомнатную квартиру? — не скрывая волнения, парировала Лара.

— Ой, ну зачем так? Разве я сказала, что к тебе. Надо здесь хорошо подумать.

— Нечего думать, — оборвала их Татьяна. — Ее я к себе возьму. Развели базар.

— Ты что, Таня! Как вы там будете помещаться в ваших клетушках?

— Ничего, поместимся.

— Ты хоть пиши, что надо будет — деньги, лекарства.

— Ничего я писать не буду.

Утром сосед попутно подвез на своих «Жигулях» Татьяну с матерью к ближайшему поезду. Алла и Лара остались на день-другой, чтобы продать избу, кабанчика да всякую домашнюю утварь.

— Так стыдно перед Таней, — всхлипнула Лариса, — сердце разрывается.

— Мы же ее за язык не тянули, — огрызнулась Алла.

— А ты тоже хороша, — вспыхнула Лариса. — Для паршивого

бульдога нашлось место, а вот для мамы нет. В трех-то комнатах. Вспомни, она нас одна поднимала, ничего для нас не жалела. Не тебе ли высшее образование дала?

– Ну, знаешь, на чужое добро все горазды рот разевать. Небось, когда работала так, что с ног валилась, никто не видел. Я виновата, что кто-то по глупости и тупости в люди не вышел? И Танькой меня не попрекайте. Нечего...

Алла, хлопнув дверью, выскочила в сени, чтобы охладить пылающее лицо.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Эта дорожная встреча, о которой хочу рассказать, произошла много лет назад. Но и сейчас, спустя годы, она помнится во всех подробностях.

Чудное в разноцветье своем уральское лето с зелеными необъятными полями да синими перелесками, которые то и дело спешат уступить дорогу нашему комфортабельному автобусу. Серебристые речки манят прохладой, принарядились словно к празднику: то кудрявой порослью тальника, то кисеей цветущих черемух — не отрывая глаз.

Но, кажется, все это пробегает мимо старого учителя: он весь в воспоминаниях и переживаниях уже однажды пережитого. Так оно и было, как выяснилось в ходе внезапно вспыхнувшего дорожного разговора.

— Перед нашей группой, состоящей из пяти человек, — вспоминал мой попутчик контрастную по ситуации картину, — ставились две задачи: разведать наиболее уязвимый участок в линии немецких заграждений и добыть «языка». Но сами наткнулись на засаду. Видно, не суждено было дойти до фашистского логова моим землякам.

...Мягко покачиваясь на рессорах, маршрутный автобус Пермь — Чернушка совершал свой обычный рейс. Было шумно, несколько человек, как и я, ехали без места, крепко уцепившись в поручни. Однако неудобства не мешали мне внимательно слушать собеседника, знакомство с которым состоялось час или два тому назад в просторном здании автовокзала. Ожидая объявления на посадку, я наблюдал за пассажирами. Казалось, поток их будет бесконечным, несмотря на нескончаемую вереницу уходящих машин. У одной из касс, как я заметил, опираясь на трость, остановился пожилой мужчина. Темные, в узлах синих жил руки протянулись к окошечку.

— На Чернушку билеты кончились, — бесстрастно объявила девушка-кассир.

— Может... найдете еще один?

— Не мешайте.

Старик отошел, устало прислонился к стене.

— Возьмите мой билет, — предложил я.

— А вы?

— Я знаком с шофером автобуса, договорюсь.

...А между тем он продолжал свой рассказ:

— В рукопашной схватке один из нашей группы Николай Поспелов сильным ударом оглушил фрица. Связав и оттащив его в безопасную лощинку, бросился к нам на помощь. Но слишком неравными оказались силы. Меня он нашел среди убитых.

Очнулся в госпитале. Рана оказалась глубокой, но не опасной. Много крови потерял, это и подвело. Залезиваться не хотелось: наши войска к тому времени развивали стремительное наступление. Свой полк догнал уже под Могилевом...

Есть люди, умеющие добрым словом отозваться о своих сослуживцах, замечательно поведать о друзьях-однополчанах, но всегда оставаться немногословными в рассказе о себе. Именно таким показался мне Афанасий Сергеевич, как отрекомендовался мой попутчик.

А лента дороги мчится вперед, оставляя в стороне прикамские селения Крылово, Барду с лесами новостроек, утопающих в буйной зелени. Где-то неподалеку от этих тихих уральских селений затерялась деревушка Степановка. Здесь Николай Поспелов когда-то учился, мальчишкой гонял в ночное, приобщался к крестьянскому труду.

— Помню, тогда при встрече крепко обнял своего спасителя

— уже ставшего старшим сержантом — Пospelова. Бывало, в часы затишья как начнет он рассказывать о своей деревеньке, будто на всем белом свете краше ее не было. Все мечтал: «Вот вернусь домой, а Ленка большой уже. Выложу перед ним все награды и скажу: расти, мол, сынок, побили мы врага!». Конечно, не все исполнилось, как мечтали, но ведь в мирное время живем. Значит, долг свой перед Родиной выполнили, — потом тихо, едва слышно мой попутчик добавляет: — Не пришлось только вот Николаю больше увидеть своего первенца.

Незаметно, за рассказом, радуя глаз новыми домами и строениями, промелькнули за окном деревни Капкан и Деменево. Вот и конечная остановка. Коротко попрощались.

— А куда Вы сейчас, Афанасий Сергеевич?

— Мне уже недалеко, здешний я. Ездил в военный госпиталь, думал, подлечу свои болячки, да вот по вызову обратно возвращаюсь. Знать, на буровой что-то случилось, в тяжелом состоянии мой сын Леонид Николаевич.

— Пospelов?

— Нет, Останин, моя у него фамилия.

ОБИДА

Стоял декабрь. Шла последняя предновогодняя неделя. В один из дней, выдавшихся на редкость теплым, Зоя Петровна сидела в городском парке на скамейке и наслаждалась красотой зимнего пейзажа. Деревья, давно сбросившие многоцветье золотого осеннего убора, казалось, были погружены в тихую задумчивость. В безветрии редкие снежинки серебряными бабочками опускались на кусты, на дорожки, тихо и спокойно вокруг. Только детский говор и веселый смех нарушали безмолвие.

Зоя Петровна, наблюдая за детьми, вспомнила свои школьные годы. На уроки она летела, как на встречу с самой большой радостью. Именно летела, словно ее несли сильные крылья. Какое же это наслаждение – учиться и готовиться к вступлению в большую, неведомую жизнь.

Страницу за страницей она перелистывала свои студенческие годы. Вспомнилось, как сжималось от обиды сердце, когда приемная комиссия мединститута придирчиво рассматривала ее втэковскую справку: "...послеродовой вывих, хирургическое исправление...". Кто-то очень вежливо объяснял о несовместимости ее инвалидности с учебой. Убедила: мол, выбор профессии неслучаен, хочется самой лечить, делать людей счастливыми. Об этом она и в школьном выпускном сочинении писала: "Счастье – служить людям верой и правдой. Когда я стану врачом, не нарушу клятвы Гиппократ, сколько бы лет ни прошло".

Сорок лет она лечила детей. Передавала по крупицам свои знания молодым коллегам-педиатрам, гордясь престижем своей медицинской профессии, которая сейчас год от года ставится ни во что. Ох, и горько осознавать это на седьмом десятке лет!..

Рано овдовела. Не сложились отношения с семьей единственного сына. Окончив речное училище, он подался на Север за большими деньгами и будто сгинул: раз в году пришлет весточку – и то хорошо.

Зоя Петровна вышла из сквера и пошла домой в свою однокомнатную хрущевку-клетушку. Вдруг почти рядом притормозила иномарка. Из нее выпрыгнул молодой человек с короткой стрижкой, в модной кожаной куртке. Он подбежал к пожилой женщине, белозубо и радостно улыбаясь:

– Зоя Петровна! Здравствуйте! Я вас сразу узнал! Да вы ли это, моя спасительница? А меня узнали?

Человек налетел, как вихрь, и женщина на миг оторопела. Справилась с собой, вгляделась в лицо и узнала: да это же Денис Левин, один из ее пациентов!

...Дениску привезли в педиатрическое отделение в бессознательном состоянии. Двусторонняя пневмония. Это врач определила сразу. Ко всему болезнь протекала на фоне сильно ослабленного организма мальчишки. Организовала круглосуточное дежурство, сама дневала и ночевала где-нибудь близ палаты. Подкармливала из своего домашнего небогатого меню. Из родных у парня – одна бабушка, которой самой-то уход требовался. Мальчишку выходили, и, конечно, не одной ее в том заслуга. Но случай запомнился, как один из самых трудных в ее практике.

Зоя Петровна видела искреннюю радость от встречи. Он даже приобнял ее на правах взрослого теперь человека. Когда наклонился, от него пахло дорогими духами, ладно сидела на возмужавших плечах роскошная куртка.

– Чем занимаешься, Денис? – спросила врач-пенсионерка.

– Коммерцией. Вроде получается, – улыбаясь и отвечая на

вопросы, в какой-то момент он окинул взглядом свою собеседницу, и Зоя Петровна заметила, как в его красивых и добрых глазах мелькнула не то горечь, не то досада. Нельзя сказать, что одета она была неряшливо. Пальто, купленное в бытность восьмидесятых годов, побывавшее в химчистке, выглядело чистым и опрятным. А пушистый мохеровый шарфик, повязанный на седеющую голову вместо платка, даже чуточку молодил ее. Понятно же, нищенская пенсия уходит теперь не на обновки: на лекарства, скудное питание. Вот коммунальные услуги вновь подорожали. В который же раз за годы перестройки и демократических реформ?

От взгляда бывшего пациента не ускользнул кулек серой вермишели, скромно выглядывающий из пакета с изображением босса одной из телепередач.

Возникло неловкое молчание. Денис, еще раз взглянув на свою спасительницу, извиняясь, признался:

— Мне пора. Честное слово, я рад был вас видеть!

И вдруг молниеносным движением сунул руку в ее пакет, крутанул и, не оглядываясь, побежал к машине.

Опомнившись, Зоя Петровна увидела в пакете три новенькие купюры – по тысяче каждая. Это на треть больше ее месячной пенсии. Она смотрела на деньги, будто оцепенев. У нее невольно задрожал подбородок, глаза наполнились слезами: жгучая, горькая обида поднималась в душе и не давала пробиться никаким ноткам оправдания поступка Дениса. Понимала: он от чистого сердца решил ей помочь, в мыслях не держал, чтобы обидеть. И в то же время неотвязно сверлила мысль: этот человек поспешно сунул ей деньги, как милостыню нищей.

Мария Паршакова

Мария Паршакова. Живет в Перми, с родителями. По образованию детский врач. Работала на «скорой помощи». Занималась литературным творчеством. После выхода на инвалидность своих писательских занятий не оставила, а начала писать ещё больше. Сегодня она сотрудничает с газетами «Звезда» и «Здравствуй!». Пишет и публикует статьи, очерки, рассказы и стихи. Её творчество отличается мастерским показом характеров, зримых картин жизни и тонких наблюдений реальности.

ЦВЕТOK В ПЫЛИ

В нашей школе училась девочка неземной красоты. Она была на несколько классов младше меня. Я же с высоты своего солидного возраста высокомерно её не замечала. Но эту девочку не заметить было невозможно. Она магнитом притягивала взгляды. Кукольно-миниатюрное лицо и темно-золотые ресницы-опахала делали ее похожей на Мальвину.

Когда я увидела ее впервые, то испытала такое же тихое потрясение, как в раннем детстве, когда случайно наткнулась в траве на лазоревую россыпь крошечных цветов, невиданных доселе. Я показала это чудо сестре. «Это незабудки», – буднично сказал она. Я же была как зачарованная. Каждый цветок напоминал небо в миниатюре, с желтой точкой солнца в середине.

Никакие другие цветы своей яркостью и пышностью не смогли затмить воспоминание о тех далеких и неповторимых.

Из всех когда-либо виденных мною красавиц Мальвина была самая очаровательная. Неудивительно, что в школу ее водила бабушка. Хотя в те далекие годы даже школьники не намного больше своего портфеля были самостоятельными. Но, как говорится, редкая вещь требует охранного футляра.

Потом Мальвина надолго выпала из поля зрения. Я вновь встретила ее только спустя несколько лет. Она стала подростком, изрослась, и ее красота немного приглушила свою силу, как будто устав ослепительно сиять.

С тех пор колесница времени уехала на 20 лет вперед.

Как-то по домашним делам я оказалась на рынке. Вокруг, как обычно, царили беспокойная суета и обостренный дух

товарно-денежных отношений. Какая-то продавщица весело распоряжалась двумя подсобными рабочими, таскавшими пустые ящики. Один из них повернул голову и оказался... женщиной неопределенного возраста. Улыбаясь редкозубым ртом, женщина что-то подобострастно отвечала хозяйке. Ее жалкий вид говорил о прямо-таки физиологической зависимости от щедрости продавщицы.

Вдруг что-то неуловимо знакомое проступило через испитую одутловатость лица. Не может быть! Темно-золотые ресницы-опахала... Мальвина! Теперь это имя могло звучать как насмешка. Как и почему она оказалась на самом дне? Увядший цветок в пыли... Вопреки оптимистичной сказке царевна превратилась в лягушку.

Прежняя идеология внушала нам: «Человек – хозяин судьбы», или – «...кузнец своего счастья». Молодость, полная сил, верит, что ей все по плечу. Но по мере взросления мы все больше отклоняемся от избранного нами курса, словно уже и не ведем свою линию жизни. Инициатива кем-то перехвачена. «На все воля Божья», – смиренно говорят православные. Мирские вздыхают: «От судьбы не уйдешь...». Но те и другие признают: как бы ни был силен человек, над ним довлеют некие высшие силы – Бог, судьба, рок, мировой хаос.

Так, значит, в готовом сценарии нам нет места для импровизации? К каждому младенцу, сходящему с конвейера непрерывного демографического производства, просто прилагается готовая биография. И тут как повезет, что достанется – судьба рядового обывателя, героя или преступника. Добродетели и пороки спускаются сверху по разнарядке. И нет ничьей вины, ничьих заслуг? Тогда что же такое добровольный уход из жизни? Тоже предписание свыше или добровольный выход из игры вопреки воле хозяина?

ЖЕСТОКИЙ РОМАНС

За окном стояла промозглая осень. Тяжелые завесы из серых туч наглухо задернули небо. Беспросветность захватила и небеса, и душу. Протестуя против мрачной оцепенелости, телефон вдруг разразился истерическим звонком. Трубка спросила голосом приятельницы:

— Хочешь побыть артисткой?

Людмила пела в творческом коллективе «Зеленая карета», к тому же давала сольные концерты в масштабах ТОСов и санаториев.

— Мне нужна помощница, — продолжала она на фоне моего оторопелого молчания.

— Я ж не умею петь...

— Да тут не петь, а говорить надо.

Оказалось, прямо накануне выступления ведущая концерта отказалась от участия. «Взбрык» был вызван тем, что трудились они на поприще искусства безвозмездно. Видимо, ведущая исчерпала свой лимит благотворительности. Концерт был под угрозой срыва, и времени на поиски равнозначной замены не было.

Я пыталась отговориться скудостью опыта по части публичных выступлений и тем, что последний раз стояла на сцене в далекие школьные годы. Но Людмила упорствовала:

— Ничего сложного. Скажешь пару слов, объявишь номер — и все. Сидеть будешь с комфортом за столиком с микрофоном.

Промелькнула мысль: «С собой, что ли, они этот столик возят?» И открыла было рот, чтобы возразить. Но тут из

глубин сознания неожиданно всплыло: а ведь мой возраст подошел к тому рубежу, когда через пару лет никому уже и в голову не придет обращаться ко мне с подобной просьбой. Я же ничего не теряю, если соглашусь.

Позволив Людмиле еще поугovarивать себя и внутренне согласившись, я наконец сдалась.

Концерт должен был состояться в районном центре реабилитации. Моя задача заключалась в том, чтобы заполнять паузы между номерами, в это время просвещая публику и давая исполнителю время «отдышаться».

В назначенный день и час мы (кстати, два инвалида I группы) летели в Людмилиной «Окушке» давать народу культурное зрелище – русский романс. Пролетали мимо картинки обновленного городского пейзажа. Но я, подавив интерес, старалась не отвлекаться из опасения, что недавно выученный текст затеряется в спаме внешних впечатлений.

Миновав тихие улицы, машина выехала на оживленную магистраль. И тут с ней стало происходить что-то непонятное. Наше авто «закашляло», нервно задержалось и встало как вкопанное. Все усилия завести двигатель были тщетны. Людмиле ничего не оставалось, как, нырнув под крышку капота, своими пальчиками, облагороженными маникюром и перстнями, надетыми по случаю выступления, копать в машинной утробе. Признаков жизни автомобиль по-прежнему не подавал. Полет закончился.

Через открытую дверь в машину шел поток осеннего холода. «Ноги закоченели», – тоскливо констатировала я, наблюдая, как мечется на своих трех ногах (с неизменной тросточкой) между салоном и капотом запыхавшаяся Людмила. Время шло, а наш «болид» тромбом сидел в транспортной артерии. Свои народные названия – «чемо-

дан с запчастями», «ведро с болтами и гайками» и т. п. — «Ока» вполне оправдывала. Я впала в какую-то прострацию и неизвестно сколько в ней пребывала, пока не ожило долгожданное рычание мотора. И наконец машина тронулась с места. Правда, двигалась она теперь как-то неровно, толчками, будто плохо обьеженная кобыла.

Точного месторасположения центра мы не знали, поэтому «проскакали» в его поисках вначале в один конец улицы, потом в другой, не обращая внимания на красный сигнал светофора.

Когда подъехали, до выступления оставались считанные минуты. Преодолевая раздолбанное трамплинообразное крыльцо, которое, видимо, тоже как-то служило целям реабилитации, я мечтала припасть к горячей батарее.

«Певцы приехали!» — обрадовалась вахтерша, восседавшая за письменным столом, на котором ничего не было, кроме огромного чайника. По ее многослойному наряду нетрудно было догадаться, что отопительный сезон в здании еще не начался.

Нас уже ждали пианистка-аккомпаниатор и техник музыкальной аппаратуры. И мы поспешили в концертный зал.

Петляя тесными коридорами, Людмила поинтересовалась у сопровождающей нас сотрудницы, далеко ли до ближайшего крана с водой. Та беспечно отвечала, что воду отключили, но, может быть, дадут в течение дня. Взглянув на руки артистки, предательски выдающие в ней автослесаря-любителя, сотрудница осеклась на полуслове и убежала, вернувшись с пластиковой бутылкой, наполненной водой.

Реабилитационный центр занимал здание бывшего детского сада. Концертной площадкой служил зал для утрен-

ников. Сцены как таковой не было. Вдоль стены, расписанной в соответствии с детской тематикой, стояли в несколько рядов обычные стулья. Зайцы и мышки, стало быть, должны были служить декорациями к жестокому городскому романсу.

Несмотря на мертвецкий холод в помещении, окно в зале было нараспашку. Видя наше недоумение, сотрудница пояснила: «Мы всегда проветриваем перед массовыми мероприятиями». Окно закрыли.

Акомпаниатор уже сидела за инструментом, разогревая руки, а техник, тихо бормоча, возился с проводами.

Едва успела солистка тут же в зале натянуть поверх дорожных брюк концертное платье «в пол» и наспех пригладить волосы, как дверь распахнулась – и вдоль рядов стульев «потекли» реабилитирующиеся. Пространство заполнилось шарканьем тапочек, стуком палок и костылей. Зрительская публика состояла исключительно из женщин средних лет и пожилых. Что, впрочем, объяснимо, если учесть здешние условия с отсутствием воды и насильственным закаливанием, больше подходящих для школы выживания, чем для медицинского учреждения. Женский пол, как известно, более жизнестойкий.

Рассаживаясь и ежась от прохлады, зрительницы с веселым любопытством поглядывали на нас. Думаю, хорошего настроения им добавляло забавное несоответствие, содержащееся в прилепленной к входным дверям бумажке, где от руки было написано: «Внимание! Сегодня в 11 часов (утра) состоится «Вечер русского романа»».

Наконец все заняли свои места и затихли. В торжественной тишине я, как бывалый конферансье, начала концерт. Сказала вступительное слово, сделала краткий экскурс в историю. И объявила первый романс. Вступила солистка.

И вдруг в середине ромansa на верхней ноте микрофон дал оглушительного «петуха».

У меня упало сердце – пропало мероприятие. Ну просто день бунта техники! Настройщик тут же отключил микрофон. Дальше мы работали без него, но от этого русский романс только выиграл. Теперь мы не зависели от прихоти «железок», и до конца выступления все шло гладко. Людмила пела, пианистка играла, я говорила.

Исполнительница уже отработала свою программу, но публика не отпускала ее. И нашей певице пришлось «выдать сверх плана» еще два ромansa. К концу встречи наше общение со зрительным залом напоминало встречу старых друзей. Прощание было душевным. Исчерпав перечень взаимных пожеланий, мы снова «пересчитали» травмоопасные ступени крыльца и с волнением поспешили к нашей строптивой железной кобылке. Но на этот раз она была сговорчивее и без заминок доставила своих седоков домой. А во время дорожной тряски память неожиданно выдала поговорку времен соцреализма: «Тяжела и нелегка жизнь советского артиста». С тех пор много воды утекло, но сегодняшнему артисту тоже порой приходится нелегко на пути продвижения искусства к народу. Если это не «звезда» шоу-бизнеса, которая ярко светит, а тепла не дает.

Я же смею надеяться, что чувства русского ромansa хоть на время согрели души неизбалованных бытом и судьбой пациентов центра реабилитации.

А на часах – уже весна.
И с этим не поспоришь – точно.
На троне, утвердившись прочно,
Строчит она приказы срочно,
Кого, за что лишает сна.

Ну что слова? Такая малость...
Распорядились небеса:
Им право дать на чудеса
И обращать печали в радость.

Юрий Колесников
Софья Горбунова
Анна Зубарева

Дебют

Юрий Колесников

Юрий Евгеньевич Колесников. Родился в 1936 году в Махачкале. Окончил школу в Барнауле. Учился в Одесском электротехническом институте. После окончания учебы приехал в Пермь. Работал на заводе аппаратуры дальней связи, в настоящее время известном как «Морион». Трудился в научно-исследовательском институте начальником сектора.

Когда Юрий Евгеньевич был вынужден выйти на инвалидность, врачи сказали: «Хочешь жить, шевели мозгами». И он начал заниматься поэтическим творчеством, да так успешно, что за несколько последних лет издал четыре книги.

Солнце село за дальнюю крышу,
Угасают в закате лучи.
Тишина, но мне кажется — слышу
Голос твой. Говори, не молчи.
Я ловлю его в гомоне птичьим,
В шуме листьев ищу до зари.
Говори, а о чем — безразлично,
Лишь прошу, не молчи, говори.
Согревая усталую душу,
Пусть звенит он, как песня в ночи.
Тишина разрывает мне уши...
Говори, говори, не молчи.

Дед и баба проживали
Где-то, скажем, на Урале.
На дворе лишь кура-ряба,
Но довольны дед и баба.
Ряба яйца им несёт
Почитай что круглый год.
А яички
 то простые,
Но порой и золотые.
Слух прошёл —
 несет уже
Даже яйца Фаберже.

Я не верю больше в Бармалея,
Карабаса злого не боюсь.
И, быть может, втайне сожалея,
Понемногу с детством расстаюсь.
Ведь нельзя так, сразу, без оглядки,
Все, что с нами было, оборвать.
И когда на стол кладу тетрадки,
Я игрушки прячу под кровать.

Если друг отказался вдруг
От альпийских твоих услуг,
Если с детства не любит скал,
С ними встреч не искал,
Ты ему не хами, пойми,
Что не каждый второй – герой,
Чтоб идти на неравный бой
С непокорной горой.

Иллюстрируя понятие симметрии,
Вспомнил фразу «Архимедовы штаны».
Равнобедренный треугольник в геометрии
Их примерил – в обе стороны равны.
Треугольник появился в географии.
Это где-то над волнами у Бермуд.
К сожалению, нередко эпитафии
Кораблям и самолетам здесь поют.
Видишь, есть среди них злодеи уголовные,
А другие безобидные совсем.
И встречаются, конечно же, любовные.
Третий лишний там, известно вся и всем.
Вот закончилась баллада треугольная.
Лишь с любовным почему-то чехарда.
В голове моей засела мысль крамольная:
Коль не лишний этот третий, что тогда?

Полночь. Звездам нет числа,
Месяц – желтая пирога.
Серебристая дорога
Через море пролегла.
Нет, не встретятся на ней
Остановки, перекрестки.
Только волны сыплют блески
Мириадами огней.
От оскомины забот,
От сомнений и печали
В неизведанные дали
Та дорога уведет.

Софья Горбунова

Софья Сергеевна Горбунова. Родилась в 1952 году в Перми. Окончила лечебный факультет Пермского медицинского института.

Работала врачом в МСЧ №4, что в Мотовилихинском районе города. Была врачом «скорой помощи» 2-й бригады. Там, на работе, и начала заниматься творчеством, когда приходилось оформлять стенную газету. В газете «Здравствуй!» публиковались её стихи и рассказы.

ГРОЗА

Как живо эхо прошлых лет:
Уютный домик в три окошка,
Над лугом золотым рассвет,
К реке росистая дорожка.

Журчит прозрачная вода,
Вдали синее лес еловый.
(На даче жили мы тогда,
В деревне за Большой Сосновой).

Я собирала васильки
Во ржи вечернюю порою.
И на пригорке у реки
Была застигнута грозою.

Промчался ветер озорной,
Согнулась тонкая березка,
Мелькнула змейкой голубой
Зарницы светлая полоска.

Пурпурный молнии зигзаг
Перечеркнул стальные тучи.
И вспыхнул прямо на глазах
Весь горизонт огнем летучим.

И началось! Ударил гром,
Рассыпав тяжкие раскаты,
Стемнело вдруг, и над селом
Полнеба пламенем объято.

Мир потонул в голубизне,
Не виден близкий перелесок.
Дрожит, качаясь в вышине,
Дождя прозрачная завеса.

Утихло все, и вновь покой,
Умчалась туча грозовая.
И над синеющей рекой
Повисла радуга цветная.

Как жутко-радостно сидеть,
Зарывшись в стог от непогоды,
И с восхищением глядеть
На пляску диких сил природы.

Стриж залетел в окно ко мне
И на ковер упал.
Раскинув крылья в тишине,
Беспомощный лежал.
Ну как же ты в свое гнездо
Дорогу не нашел?
А может, заболел, продрог,
За помощью пришел?
А где-то там твои друзья,
Они давно в пути.
В квартире жить тебе нельзя,
Лети же к ним, лети!
Но стриж лететь не захотел,
Быть может, он ручной?
Ко мне на палец
Крепко сел — и вертит головой.
Ну, коли так, живи пока
Под потолком в тепле.
Ведь эти птицы никогда
Не ходят по земле.
Всего лишь ночь он отдыхал,
А утром улетел.
От стаи, видимо, отстал,
Передохнуть хотел.
Ну что же, в добрый путь,
Прощай!
Минует пусть беда.
А будет плохо, прилетай,
Я помогу всегда!

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МИР

С автобуса – вперед и вниз,
Оставив душный жаркий дом,
Туда, где новый мост повис
Над лесопарковым прудом.

Весь берег тальником зарос.
Иду под сенью старых ив,
А там, внизу, такой же мост,
Как тот, что смотрится в залив.

Такой же серо-голубой,
Как тот, что реет в вышине.
Под светло-синию водой
Плывет, качаясь в глубине.

И там, в космической пыли,
За серебристою волной,
В туманной, сумрачной дали –
мир параллельный, мир иной!

И в нем все так же и не так,
Как будто все наоборот,
Там не отыщет нас маньяк
И террорист не подорвет.

И, кажется, нырнешь с моста
И чуть поглубже заплывешь –
И будешь там, где даль чиста,
В мир зазеркалья попадешь.

И ни волнений, ни тревог,
И станут лишними слова,
И волн стремительный поток
Умчит к волшебным островам.

Пойду домой и оглянусь,
И посмотрю назад с горы.
Теперь я знаю наизусть —
Есть параллельные миры!

БЕЛАЯ СИРЕНЬ

Был майский день,
Прозрачно-яркий.
После весеннего дождя
Я к супермаркету под арку
Свернула, лужи обходя.

По этой улице бесхозной,
Надсадно воя и рыча,
Еще вчера ходил бульдозер,
Ковшом железным грохоча.

Сломали дом, отживший, древний
И, превратив в убогий хлам,
Спилили старые деревья
На радость новеньким домам.

Не будет прошлому поблажек,
Расчищен и озеленен —
Под натиском многоэтажек
Преображается район!

Полна романтикой весенней
И с песней радостной в груди
Я вдруг застыла в изумленье,
Увидев чудо впереди...

Косых лучей тугие стрелы
Из тучи вырвались ко мне —
Сирени куст искристо-белый
Застыл в манящей тишине.

Принарядившись, как невеста,
Каким-то чудом уцелев,
Среди обломков неуместных
Цвела сирень, весну воспев.

Какое чудное виденье!
Ветвей тончайший аромат,
Природы дивное творенье,
В миниатюре райский сад!

Весны дыханием согрета,
У развалившихся ворот
Сирень – восьмое чудо света –
Наперекор всему цветет!

Анна Зубарева

Анна Вячеславовна Зубарева. Родилась в 1984 году в городе Перми. Первые стихи начала сочинять в детском саду, когда еще не умела писать. В 14 лет участвовала в конкурсе «Звездочки Урала» с номером мелодекламации. Победитель телевизионного литературно-поэтического конкурса «Я жду обещанной тетради...», посвященного двухсотлетию А.С. Пушкина (1999 г). В 2001 стала лауреатом литературно-экологического конкурса «Шуми, шуми, зеленый лес!...» Публиковалась в журнале детского литературно-художественного творчества «Родничок», в газете «Звезда», в сборниках «Свет и тень» и «Этот разноцветный мир».

После школы поступила в МОСУ, который успешно закончила в 2007 году, получив специальность педагога-дефектолога для работы с детьми дошкольного возраста с отклонениями в развитии.

Анна является автором развивающего пособия для дошкольников «Тактильные странички», созданного по запросу администратора сайта «Логопед и дети».

ПРИТЧА О ЛОСКУТНОМ ПОЛОТНЕ

Сказка

Вечер разбросал по ночному городу горошины огней. Девушка постояла у окна, потом задернула шторы и забралась под одеяло. Уткнувшись в подушку, подумала: «Кручусь, как могу, ничего не получается. Прямо руки опускаются... Судьба, видать, такая...» Она и не заметила, как заснула.

В полумраке небольшой комнаты горели высокие свечи из белого воска. Смутно вырисовывались очертания скромной обстановки – широкий крепкий стол и скамья.

«Войди и ничего не бойся!» – сказал старик с длинной седой бородой, словно выплывая из мрака. Он сидел за столом и перебирал тонкими пальцами большое лоскутное одеяло: вытягивал нитку за ниткой, переворачивал и ворошил.

Сделав шаг в круг света у стола, девушка внимательнее пригляделась к старцу. Само спокойствие и вся мудрость мира светились в его глазах, от которых разбежались морщинки-лучи. Белоснежность его седин и одежды довершала благообразный облик.

«Почему я здесь?» – спросила гостя старца, задевая рукой край лоскутного одеяла: настоящее ли оно? На бабушкино похоже...

«Мне нужна твоя помощь. Это – Полотно Судеб. Оно сшито второпях и неверно. Посмотри, и ты поймешь, как оно должно выглядеть. Сошьешь его своими руками иначе, чем было», – спокойным тягучим голосом ответил старик и взмахнул руками. Одеяло рассыпалось на множество раз-

ноцветных кусочков ткани. Лоскутки плавно кружили в воздухе и оседали на столешницу ровными рядами и стопками – слоились, как пироги.

«Пришло твое время шить Полотно Судьбы», – проговорил странный старец и исчез...

Свечи вспыхнули ярче, слегка затрещали в наступившей тишине. На столе, рядом с аккуратными тряпичными «башенками» появились блестящие швейные иглы и катушки ниток.

«Эй, неужели мне придется все это шить вручную?! – опешила девушка. – Как же я справлюсь? Я же и не умею толком. Пойди разберись, в каком порядке их надо сшить!»

Она огляделась кругом. Никто ей не ответил и не показался на глаза. Стол, скамья и пестрые тканевые листочки в свете подрагивающего пламени свечей. Казалось, даже стены отступили дальше, теряясь в сумраке и оставляя лишь освещенный островок.

Делать нечего – девушка взялась за шитье. Пододвинула ближе первую горку тряпиц и только тут заметила, что все они имеют форму сердечка. Простые и изысканные, однотонные и пестрые, пушистые и гладкие, грубые и тончайшие «валентинки». Все они были разные, разбегаясь цветным веером в руках.

Вдруг мастерица замерла – на ладони лежало хлопковое сердечко с нежными, словно акварельными, букетами. Простые полевые цветы, не кричаще-яркие, но цветные и милые. «Это мое сердце! – поняла она, ни капли не сомневаясь. – Надо же, я держу в руках свою жизнь в виде небольшого лоскутка... От меня зависит, как я вложу ее в общий узор? Кто будет окружать меня?»

«Ты права, дитя мое! – услышала я голос старца где-то над

головой. – Собери кусочки так, как желаешь сама».

Девушка подняла голову, огляделась, но никого рядом не было.

Работа началась: вначале робко и осторожно, потом все ловчее и быстрее.

Место для своего сердечка нашлось легко и быстро, и оно влилось в общее разноцветье, окруженное другими лоскутками.

Настоящие сердца или души людей – пестрый ворох множества жизней. Именно их предстоит соединить – сшить тонкими прочными нитками. Только попробуй угадать, как они должны сойтись между собой. Пальцы сами вынули два сердечка, покрутили их немного, сочетание понравилось: они вполне могут быть связаны. Странно и необычно...

Интуитивно девушка собирала полотно по кусочкам – сшивала жизни. Одеяло постепенно увеличивалось в размерах, а тряпичные горки на столе таяли, как свечи.

Теперь рукодельница узнавала и угадывала каждого человека. Любимый... Для его сердца – место рядышком (даже стежки легли идеально ровно и плотно). Вот семья – она теснее окружает ее «островок» ровным кольцом. Здесь друзья и знакомые – цветные и приятные на ощупь тканевые «валентинки», они чуть дальше, чем родные, но тоже очень близки. Потом ворох приятелей и встречных-поперечных, имеющих лишь отдаленное отношение.

Сердечко с полевыми цветами оказалось в центре полотна. Остальные лоскутки «хороводили», расширяясь concentрическими кольцами. Девушка шила свое Полотно Судьбы! Пальцы совсем не устали, когда рукоделие было завершено.

Готовое шитье лежало мягкими складками на столе, ниспадало на колени.

Теплые легкие ладони легли на плечи рукодельницы. Старец вернулся.

«Теперь все так, как должно быть», — сказал он, проводя ладонью над «одеялом». Все стежки исчезли, словно растворились нитки и швы — получился один большой отрез ткани.

«Ты справилась со своей задачей, сложила непростой узор. Знай, что сделала это прежде всего для себя. Видишь, кто тебе по-настоящему близок и дорог, неразрывно связан с тобой, а кто не случайно, пусть и мимоходом, коснулся твоей Судьбы?»

Свечи гасли одна за другой, комната погружалась во тьму. Страх не было. Девушка чувствовала, что за ее спиной стоял старец. Он казался древним и почти невесомым, но волны тепла и силы шли, пронизывая юную гостью насквозь. В ее руках лежало Полотно Судьбы, сшитое ею самой...

Девушка проснулась, взяла ручку и записала свой сон, чтобы случайно не позабыть его. Она улыбнулась, поверив, что все теперь обязательно получится!

Вне конкурса

Галина Дубникова
Надежда Вершинина
Елена Дадиева
Екатерина Шалкова
Анатолий Касьянов
Николай Башков

Галина Дубникова

Галина Александровна Дубникова. Родилась в Минске, эвакуирована в Пермь. После перенесенного полиомиелита инвалид I группы. Закончив Пермский госуниверситет, работала в редакции «Вечерняя Пермь». Затем создала редакционно-издательский центр «Здравствуй». Работа с письмами, авторами, подготовка и выпуск книг, газеты. И как некое оправдание – кому-то вовремя сказанное нужное слово, поддержка, возможность дать человеку высказать себя.

Собственно, и стихи об этом же – поисках себя по жизни.

ПОИСКИ СЕБЯ

Живя, гашу и приглушаю
Неумолимо. И скрываю.
Не дав родиться, умерщвляю
Свою бурлящую, живую,
Волнующую и святую
Любовь...

Как жизнь саму, к тому,
С чем так я связана навеки, —
К движенью, воле, человеку,
К травинке малой, солнцу, смеху —
И без чего уже нельзя...
Ужель так жить — юдоль моя?
Любить! Но в переводе
На книжный знак,
На цвет холста,
На законный мир листа.
И как святыню принимать,
Как неподдельно щедрый дар,
Глаз милых торжество сиять.
Не по привычке, с маской смеха,
А как неистовый накал —
От сердца к сердцу,
Жар успеха. Успеха просто в том,
Что есть, что нужен...
В этом все и есть.

И уголек любви великой,
Который жив в твоей груди,
Расцветивает мир безликий,
Чтоб свой огонь другим нести.

ЖИЛ ЧЕЛОВЕК ОДИН

Жил человек один,
Песни он распевал,
От каждого лепестка
Нежность упругую брал.
Брал небес высоту
И синевой запивал,
Родниковую чистоту
Вкладывал в свой запал.

Но как-то однажды в миг
Мир ему сделал дар –
Он подарил глаза –
Друга живого дал:
И распахнулась даль,
Стало вдвойне светлей,
Сколько святых начал
Вдруг обнаружилось в ней,
Сколько особых слов
Жизнь свою обрели,
Вырвались из оков,
Силой своей зажгли...

«Друга в жизни найти» –
Три слова, всего лишь три.

Жил человек один,
Песни он распевал,
Каждому лепестку
Нежность свою отдавал.
И что он так жадно брал,
И что он вздохом ловил,

Он отдавал сполна —
Щедро себя дарил.

День мой вчера был черен,
как ночь.

И я от себя не могла уйти прочь.
Все било, давило, хлестало напрочь,
Злорадно бросало:
Живи, не пророчь!

ОПРАВДАНИЕ

Живет внутри и просится на свет,
Как неродившийся ребенок,
Какой-то неоформившийся бред,
Как будто слышу предков я, потомок.
Не мысли то, не звуки,
А вечные и праведные муки.
И счастья горького звенит струна,
И все любви, все смерти, расставанья,
И трепетное жизнью обладанье —
Все просится на свет,
Все жаждет бытия.
И кто им жизнь подарит,
Коль не я?

Надежда Вершинина

Надежда Константиновна Вершинина. Родилась в 1950 в городе Кунгуре Пермской области.

Училась на филологическом факультете Пермского государственного университета, который окончила в 1973 году. По специальности – преподаватель литературы.

Пишет стихи и прозу. Публиковалась в краевых и местных изданиях, в газете «Здравствуй!»

Надежда Константиновна – инвалид II группы. Это по состоянию здоровья. А по состоянию души, интеллекта и интересов – поэт, краевед, составитель родословия. Автор летописи – хроники Лысьвенского районного общества ВОИ «Союз сильных духом», руководитель мини-проекта «Изменим к лучшему жизнь ребенка-инвалида» (2006).

ПЕРЕКАТЫВАНИЕ ОРЕХОВ

Осень в Краснодарском крае выдалась бархатная: сухо, тепло, солнечно. За год разлуки внуки радовали любопытством, выдумками и отношением друг к другу – не разлей вода. Марина полтора месяца как ученица, а погодки Маша и Коля (4 и 3 года) познают мир во дворе своего дома, в саду. Родители в делах, а я, приехавшая на время бабушка, вместе с детьми делала удивительные открытия.

В середине октября под деревьями лежали орехи, как будто их рассыпали ровным слоем. Играючи, с отдыхом мы – стар да мал – собирали грецкие орехи! Крупные плоды, с ровной тонкой скорлупой и вкусным ядром, похожим на человеческий мозг. До десяти ведер орехов – урожай с трех деревьев. Не только нам нравились орешки. Видели, как разгрызала и с удовольствием лакомялась орехами Жучка. Дети с помощью молоточка или камня доставали ядро и делились с собакой, как с другом. Коля утром спрашивал у неё: «Как дела?» Обычная дворняжка, а умница: поддвигала пению, кувыркалась по команде или вставала на задние лапы.

Вороны тоже приспособились разбивать орехи, выбрасывая из клюва на землю. На деревьях выбирали плоды помельче, уносили подальше и в одиночестве выклевывали ядро.

Оказывается, люди узнали об этих вкусных орешках более 8000 лет назад. На Русь их привозили греческие купцы, в другие страны – англичане, отсюда и название. Известно в мире и третье – персидские по месту произрастания орехов. Впервые я наблюдала, как на 25–30-летнем дереве в мощной кроне длинных широких листьев висели сначала зеленые шарики до 10 см. Созревая, эта кожура плода лопалась и отделялась, а косточка-орех выскакивала и летела на крышу, в траву, закатываясь в разные ямки.

Грецкие орехи очень полезны – известно всем, и по калорийности они в 2 раза превышают пшеничный хлеб высшего сорта. Для здоровья рекомендуют съедать до 5 орехов в день. Мы лакомились осенью в удовольствие. Цена 1 кг на рынке в Краснодарском крае 40 рублей, в 70-е годы в Узбекистане 40 орехов продавали за 1 рубль.

Из многочисленных рецептов по лечению орехами я выбрала тот, что помогает нервной системе: перекатывание по ладони нескольких грецких орехов. Мы с внуками держали в руках не одну сотню орехов, значит, будем здоровыми.

ГЕРАНЬ В ОКНЕ

К весне оживают мои комнатные цветы. Гиппеаструм первым возвестил поворот солнца на тепло: выбросил высокую дудку, а на ней четыре граммофона ярко-красного цвета. Рядом на широком подоконнике еще одна «южанка» из Америки – пассифлора или, как мы зовем, «кавалерийская звезда». Узнала и другое – страстоцвет. Среди новой листвы вытягиваются за ночь на несколько сантиметров длинные стебли, похожие на лианы. Потом в пазухах листьев появляются коробочки, а из них один за другим раскрываются удивительнейшие цветы-короны. Много лет пытаюсь поймать момент зарождения цветка, наблюдаю, не мигая. Но только отвлекусь, как уже откроется трехъярусный красавец с тонким нежным ароматом. Цветение пассифлоры у нас в семье – событие, любование, как в Японии за сакурой.

Жаль, что лишь сутки радует нас «звезда». Потом незаметно, поочередно она складывается и засыхает. Бывало, что на нескольких стеблях распускалось до 50 цветков. Когда-то окоренившийся побег подарил мне любитель-садовод, и теперь у многих знакомых растут отводки пассифлоры от нашего куста. Елизавета Петровна, дочь Петра Первого, любила пассифлоры – и на одном из портретов запечатлена с этими цветами. Пассифлора ещё и предсказатель дождя, если в пазухе рассеченных листьев появятся капельки.

Еще один подарок среди горделивых растений – сиреневые треугольники, трепетные, на тонких стебельках, как простолоюдинки. Говорят, они родом из дикой природы – потомки заячьей кисленки. Но биоритмы в них заложены крепко: смеркается – сложились на ночь, с рассветом расправили крылышки, а из земли на заметную высоту выскакивают побеги с крохотными треугольными листочками.

Герань в свою компанию они не пускают, царствуют отдельно. Научное название пеларгония, родом из Африки. У меня растет один из 280 видов – домашняя. Гераньки – мои спасительницы. Когда-то болело лицо, и врач посоветовала прикладывать мягкие листья герани. Помогло. С весны до поздней осени радуют глаз белые, малиновые цветки-зонтики. Прощается им резкий полынный запах в ответ на прикосновение или потряхивание.

Проснулись от зимней спячки глоксинии, пока маленькие бархатистые темные листочки. Войдут они в силу и поднимут над собой изящные соцветия. В одном горшке – сиреневые, в другом – розовые с белой канвой. Даже алоэ и кактус повеселели – чувствуют весну.

Елена Дадимова

Елена Николаевна Дадимова. Родилась в 1958 году, живет в Перми, по специальности художник и арт-фотограф. Недавно начала писать стихи, в которых сразу чувствуется человек, который знает, что такое краски, кисти и вдохновение.

Я ЛЮБЛЮ РИСОВАТЬ

Вливая в синь холодную
Горячность краски красной,
Кипение сирени
Я получаю страстное.

Но если синь небесную
Вдруг солнца луч коснется,
То изумрудной зеленью
Весь мир вокруг проснётся.

А если красный с жёлтым
Сольются в песне звонкой,
То бархатцы лохматые
Подарят запах тонкий.

Танцуют краски весело,
Жизнь бедную расцветивая.

В поисках рая,
В лабиринтах блуждая,
Можно ли счастье найти?
Дух мой незримый,
Богом хранимый,
Тихо шепнул:
Нужно к свету идти.

Екатерина Шалкова

Екатерина Витальевна Шалкова. Родилась в 1987 году в Перми. Отец работал инженером по обслуживанию оргтехники, мама – наборщиком в типографии.

Порок сердца определили сразу после рождения. Многократно обследовалась в институте сердца им. Бакулева и в институте сердца им. Мешалкина в городе Новосибирске.

В операции отказали, слишком сложный случай.

Вовремя пошла в школу, но с пятого класса начала обучаться на дому.

В 2005 году поступила в профессиональное училище, где получила профессию художника.

Была педагогом изобразительного искусства во Дворце детского и юношеского творчества.

В настоящее время работает в детском досуговом центре "Зайчик" с дошкольниками. Два года назад вышла замуж.

Публиковалась в журнале "Родничок", где появилась её сказка "Путешествия в часы с кукушкой", которую она написала в 9 лет.

В книгах "Свет и тень" и "Этот разноцветный мир" публиковались рисунки Екатерины Шалковой.

МУЖУ

Мне так привычны твои серые очи,
Привычно с тобой проводить свои ночи.
Хочу каждый день просыпаться с тобой,
Всегда называясь твоею судьбой,
Мой ангел.
Мой ангел, куда ты все время спешишь?
О чем? О чем вечерами молчишь?
Открой мне секрет.
Мне так важен этот секрет.
А знаешь ли ты, что без тебя меня нет?
Не существует как будто.
Как будто всю жизнь тебя я ждала
И ожиданием этим жила.
А знаешь?
А знаешь, в августе будут звездные ночи.
А мне так привычны... привычны твои серые очи,
Привычной всего.
Привычной нарядов, духов, других мелочей –
Таких бесполезных в жизни вещей.
И помнишь?
Помнишь, ты предложение сделал в апреле,
Мы этого, кажется, оба хотели,
Мой милый! Мой милый!
С тобою я стала сильнее!
Мой муж!

Две личности

Две личности, два талантливых человека – Николай Башков и Анатолий Касьянов. Они сделали честь нашему изданию, газете «Здравствуй!», своими публикациями на его страницах. Каждый из них самобытен и неповторим. И каждый стал своего рода открытием.

Не хочется говорить о них в прошедшем времени. И Н. Башков, и А. Касьянов остались в памяти и в своем творчестве.

Толя пришел в газету, будучи учеником 9-го класса. Уже тогда он привлек внимание неординарностью мысли и особым упорством. Успешно закончил школу, педуниверситет, аспирантуру, защитил диссертацию. И все это при сложном детском церебральном параличе, когда не то что с трудом передвигался на коляске, но и говорил с большим трудом. И все-таки, несмотря на свое состояние, Анатолий писал рецензии на спектакли, общался с артистами. Работал над серьезным и большим произведением. Не забывал и о «Здравствуй!» – периодически посылал очередные свои опусы. Жил полноценно и интересно. У него были прекрасные родители, любимая жена.

Нелепость – всего-то небольшая ссадинка – и сепсис сделал свое черное дело: буквально в несколько дней он увел этого светлого и незаурядного человека от нас. Поверить в его уход сложно. Тем обязательным стало его явление в этом сборнике как дань памяти, преклонения и желания разделить хотя бы в малой малости его творчество с читателями.

Не менее неожиданным стал приход в газету Николая Николаевича Башкова. Приход вначале в письмах в редакцию, затем в телефонных звонках. Будучи очень и серьезно больным, он все-таки находил те потайные силы творчества, чтобы через не-могу светло и по-доброму делиться своей лирикой, передавать гримасы времени и его уродства, о которых он не мог молчать. И тогда его публицистика была наотмашь. А самоирония и юмор пригашали кипение его страстей. Вот все это и составляет его творчество. Оно осталось в памяти сотрудников и читателей газеты. К сожалению, одной лишь воли и творческого накала не хватило, чтобы одержать победу над недугом. Но его воля и его строки нетленны.

КОРОЛЬ И РЕКА

Много веков назад в одном королевстве текла река. Она была живая. Вернее, и обитатели той реки, и она сама были живыми. Рыбки жили своими семьями-стайками, водоросли – своими, раки – своими, но при этом все обитатели реки – рыбы, водоросли, раки, моллюски, головастики, лягушата, мальки – жили вместе. Ведь река была одна на всех. Если кто-нибудь начинал ссориться, то вода в реке возмущалась и отказывалась течь дальше: всё вокруг замирало, и становилось так страшно, что, казалось, весь мир погрузился в сон. Тогда ссорившиеся быстро мирились и просили реку бежать дальше. Вода, чуть колеблясь, начинала своё движение, и вскоре все живое приходило в норму.

Скорее всего, так продолжалось бы до наших дней, если бы в одно прекрасное, не предвещавшее ничего худого утро правитель того королевства – человек вздорный и взбалмошный – не начал бы с рекой спор: кто из них главнее – река или он? Правитель утверждал, что раз река течет по его королевству, значит, он полноправный её властитель. Река отвечала: «Пусть даже ты прав, владыка нашего чудного королевства, но питаю всех я – ваша река. Мою воду вы пьёте, моей живностью питаетесь. Без меня жители королевства попросту умрут с голоду и от жажды». И это было правдой, река была настолько щедрой, что людям не нужно было ни пахать, ни сеять, ни выращивать скот, всё своё пропитание они добывали из водоема. Забросят невод в воду, а через час он полон рыбы, моллюсков и раков. Знай только поварские конкурсы устраивай, кто лучше приготовит к королевскому столу. Всё, что не съедалось королём и его вельможами, раздавалось населению, так что каждый человек в той

стране был всегда сыт. Вот и выходило, что спор возник с тем, от кого зависела и его жизнь тоже.

Река не желала продолжать бессмысленный разговор и совсем было собралась уже продолжить свой путь, но король вдруг заявил, что если она сию же минуту не признает его главным во всём мире, то он прикажет всем своим воинам спустить в воду по щиту и перегородить ими русло. Мудрая река стала подбирать слова, чтобы успокоить гнев тщеславного глупца, но в этот самый неподходящий момент из воды выпрыгнул надутый красный рак, который, по-видимому, всё это время подслушивал. Мало того, что рак своими клешнями вцепился королю в подбородок, он благим матом заверещал, что во всем мире не сыскать более тупого правителя, чем наш король. От такой картины вельможи, бывшие в тот момент рядом с королём, прыснули и покатались со смеху. Сам король от досады раздулся, словно воздушный шар, и сделался краснее рака. И в тот же миг приказал вылить в реку раскалённое олово, чтобы заживо поджарить всех раков, что жили там. Приказ тотчас принялись выполнять. По всему берегу разложили костры и в огромных чанах плавили олово. Когда оно вскипало, горящую массу выливали в реку.

Вскоре река вспенилась и забурилась. На глазах у всех она погибала. Рыбы, не выдерживая температуры, выбрасывались на берег. Водоросли, словно в адских муках, извивались, увлекаемые расплавленным металлом. Кто мог, спасался бегством, но все равно без воды долго протянуть не мог. Последними опомнились люди: устав от пожара, захотели пить. И в первую очередь сам король. Но реки уже не было: затвердевающие безжизненные останки на оловянной долине — вот и всё, что от неё осталось. Запасов воды людям хватило ещё на три дня. Король в панике

издавал глупейшие приказы: «собрать олово и вернуть реку», «молить раков о прощении», «отыскать другую реку»... В конце концов приказал всю оставшуюся воду принести ему. Он на целую неделю пережил последнего своего подданного, умер в адских муках, без воды и пищи, посреди выжженной пустыни.

ЗАЖЖЕННАЯ СВЕЧА

...Андрей долго не мог зажечь свечу, то и дело обжигал пальцы. «Если зажгу с трех спичек, — неожиданно вспыхнуло в сознании, — еще год жить...». Свечка не разгоралась, падала, кренилась в незатейливом церковном подсвечнике. Парализованные руки не удерживали, лишь ненароком мяли податливый воск. Наконец свеча была выпрямлена и водружена сравнительно вертикально. Осталась последняя, не поломанная и не обгоревшая спичка. Андрей неуверенно чиркнул о коробок, спичка вспыхнула. Ее пламя ярко колебалось в полумраке комнаты. «Только б успеть поднести к фитильку». Но непослушные пальцы мелко тряслись, сбивая пламя. Спичка прогорала. Огонь уже касался ногтей, в последний неуловимый миг пламя незаметно перескочило на свечку. Ее фитилек сначала робко озарился алым светом, потом разгорелся, зажелтел, чуть заискрился и устремился ввысь.

«Значит, буду жить. Пронесет авось привязавшаяся тяжелая простуда, со всеми мучительными осложнениями. Отпустит великодушно до следующей зимы, а там посмотрим», — Андрей щелкнул кнопкой выключателя, ночник послушно погас. В душевой, наполненной тяжелым воздухом комнате медленно и ровно, не колеблясь, горела свеча. Ее отсвет падал на старинную дедовскую икону. Единственную в комнате. Вероятно, чудом уцелевшую при советской власти.

Икона была с порушенного иконостаса — массивная, почерневшая, с ликом ветхозаветного святого Мелхиседека. В темноте она казалась огромной и почему-то всегда едва уловимо светилась. Может, позолоченная краска нимба святого отражала даже мало-мальский свет, а может, в чем-то другом была причина. Но Андрей в своей комнате никогда не ощущал мрака, словно всегда было некое необъяснимое «фосфорическое» озарение.

И сейчас, в свете зажженной свечи, зимняя непроглядная ночь за окном казалась чем-то нереальным, несуществующим, а контраст между январской стужей и душной комнатой — просто невыносимым.

... Андрей цепко ухватился за специально подвешенные гимнастические кольца, подтянулся, встал. Его парализованные руки были натружены и довольно сильны, хотя мускульный рельеф почти отсутствовал, зато голубые нити вен отчетливо выступали под бледной кожей. Он выпрямился, просунул кольца под мышки, чтоб сохранять вертикальное положение, и широко перекрестился на икону: «Утверди мя, Господи, немощного. Прости мя грешного». Юноша дотянулся до колец, сжал их ладонями, для равновесия подался вперед и долго смотрел на пламя мерно горящей свечи. «Жизнь, зачем ты мне?.. К чему вновь болезни? Вечно чуть-чуть недостает характера, воли... Может, веры, молитвы... доброты... смысла. Смирения, в конце концов. Его никогда во мне не было. Уж таким уродился, таким и Бог создал...» Затяжной приступ кашля прервал размышления. Андрей обессиленно опустился, лег.

Он долго смотрел на тающую свечку, заходил в разрывающем кашле, отрывисто дышал, глотая легкими спертый воздух. К утру затих, заснул.

БАЛЛАДА О ТОПОРЕ

На кровати, горьком ложе,
Я лежу, на труп похожий:
Никакой реакции
На родимых акции.
Вдруг в глубинах подсознания
Загорается экран,
В нем для счастья

и страдания

Возвращен из мрачных стран
Я стою среди двора,
Сжимая ручку топора,
И стою уверенно –
Сил во мне не мерено!
Рядом дом, где я возрос,
Травки медный купорос,
Вижу баньку и сарай,
Все как в детстве. Это – рай!
Во дворе горою чурки,
И играть мне с ними

в жмурки:

Ставлю чурку на попа –
Во все стороны щепы!
Высекаю топором
Десять молний, один гром.
Топору попав на зуб,
В дровяник уходит дуб.
А березку и осину
Порубил почти в лучину.
Будет, будет в холода
Печке сытная еда,
Чтобы пламя в ней гудело

И окно в мороз потело.
 Топору особо люб
 Липкой липы сладкий луб.
 Мой топор не ленится –
 Выросла поленница.
 Перевесть присел я дух,
 В голове экран потух.
 Открываю я глаза.
 Вижу свечку, образа.
 Это что еще за номер?
 Я живой! Живой! Не помер!..
 Встал как будто из могилы,
 Ноги двигаю с трудом.
 – Ты куда, – я слышу, –
 милый?
 – Как куда? За топором!

Ах, скорая помощь, родная карета,
 Дожил до весны, дожить бы до лета.
 Снять синюю в звездочках зимнюю майку,
 Да выйти с сачком погулять на лужайку.
 Почувствовать запах лесной земляники
 И елей погладить мохнатые пики.
 На травку прилечь, не спеша растянуться,
 Водю живой из реки сполоснуться.
 Чтоб скорая помощь пока отдыхала,
 Зимой она потрудилась немало.
 Мне силы вливает родная природа,
 Авось доживу и до нового года.

Какие люди мы смешные,
Такие вряд ли жили встарь,
У нас же праздники сплошные:
Смотри российский календарь.
Вот будет день борьбы со СПИДом,
Всемирный инвалида день,
Ну как сидеть тут с трезвым видом?
Все будут думать: вот так пень!
Там день рожденья, день Коммуны,
То Новый год, то Рождество.
Загула заиграли струны,
Хмельное пляшет торжество!
Уже крадется день печати,
День города, день рыбака!
Ну как тут крепко не поддати –
Ищи такого дурака!
Смеемся, некогда работать,
Что? Разве праздники плохи!?
Нам колокол не будет ботать
И звать замаливать грехи!

Сижу над словом не дыша,
Произношу его иначе,
Теряю зрение, но душа
Становится все боле
зрячей.

Я свой недуг отгоревал,
Я слушаю биенье мысли
И достаю для вас слова,
Как в детстве из кулечка
вишни.

А если рядом встанешь ты,
Забуду жизненные грозы,
Я вижу красные цветы –
Благоухающие розы.
И возникает теплый свет,
И на глазах нет паутины:
Мои стихи – Судьбе
ответ,
А ты – спасенье от кручины.

Враг разбит!
 Почетная победа!
 Раздаются званья, ордена.
 О сраженьях молодым
 поведать
 Приглашает воинов страна.
 Но приходят будни,
 бьет рутина,
 Хвори настигают невзначай,
 Старости прилипнет
 паутина,
 Как боец атаку ты встречай.
 В жизни доведется
 все изведать,
 Даже проиграть
 последний бой...
 Самая почетная ПОБЕДА –
 Над своей болезнью
 и собой!

«Не бережешь копеечку», —
Мне говорят друзья.
Зеленую скамеечку
У дома сделал я:
Пусть лето стоголосое
На ней с утра сидит,
Живительными росами
Меня благодарит.
И осень не печальная
На ней пришла сидеть,
Чтоб в золото сусальное
Скамеечку одеть.
Уже зима суровая
Перину лавке шьет
И на перину новую
Сама сидеть придет...
Все радостно, все весело,
И видно жизнь до дна,
Когда фату повесила
На ту скамью весна.

Ещё от жизни чуда жду —
Я не расстался с детской верой,
Что написали на роду,
Хлебнуть я должен полной мерой.
Пройду болезнь, пройду печаль,
Пройду любовное страданье.
Я должен превратиться в сталь
В огне такого испытанья.
Я принимаю черный рок,
Что коршуном голодным вьется.
А может, справедливый Бог
Над грешным миром так смеется?
Я знаю, в темную канву
Вплетутся радости, поверьте.
И пусть несладко я живу,
Но все же это лучше смерти.

[illegible]

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>Удивительное рядом</i>	3
<i>Победа над самим собой</i>	4
ПОЭЗИЯ	5
Светлана Жигиль	6
Роман Дронин	12
Василий Семеновых	20
ПРОЗА	29
Ольга Сухова	30
Василий Ермашов	40
Мария Паршакова	56
ДЕБЮТ	65
Юрий Колесников	66
Софья Горбунова	70
Анна Зубарева	78
ВНЕ КОНКУРСА	83
Галина Дубникова	84
Надежда Вершинина	88
Елена Дадиомова	92
Екатерина Шалкова	94
Две личности:	96
Анатолий Касьянов	97
Николай Башков	101

Литературный альманах
«Я творю, а значит, я живу»

**В рамках программы «XIV городской конкурс
социально значимых проектов «Город – это мы»**

Ответственный за выпуск, редактор-составитель Ю. Асланьян

Художник Р. Казарян

Компьютерная верстка А. Мельников

В подготовке альманаха приняла участие М. Паршакова

Подписано в печать 19.09.2012

Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 7. Бумага ВХИ.

Тираж 500 экз. Заказ № 323

Издание подготовлено в РИЦ «Здравствуй»

Отпечатано в ООО «Типография “Здравствуй”

614077 Пермь, ул. Даншина, 7

e-mail: hellobook@mail.ru